

АЛЕКС
АНЖЕЛО

КРОВЬ

И ПРОКЛЯТЫИ

ПОВЕДАЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ

И

ПЛАВНИ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Алекс Анжело
Кровь и Плен

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алекс Анжело

Кровь и Плен / Алекс Анжело — «Эксмо», 2022 — (Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-169826-3

Вернувшись в родную обитель вместе с братом, Сара Сорель узнает от него все больше подробностей своего прошлого. Только она желает вспомнить все сама, чтобы избавиться от сомнений, крепнущих с каждым днем. Но ложь коварна, истина горька, а времени, чтобы отыскать светлое сердце богини и закрыть портал на материке, остается все меньше. Монстры в ночи. Пробуждение древней силы. И две противоположности, которые преодолеют этот путь вместе до самого конца. Вторая книга популярного цикла «Мир Дэвлата» Алекс Анжело. Интриги и заговоры на фоне мира, в котором чудовищный раскол плодит сотни монстров. Многослойная любовная линия, которая держит в напряжении с первых страниц. Издание оформлено художницей Altorina.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169826-3

© Алекс Анжело, 2022
© Эксмо, 2022

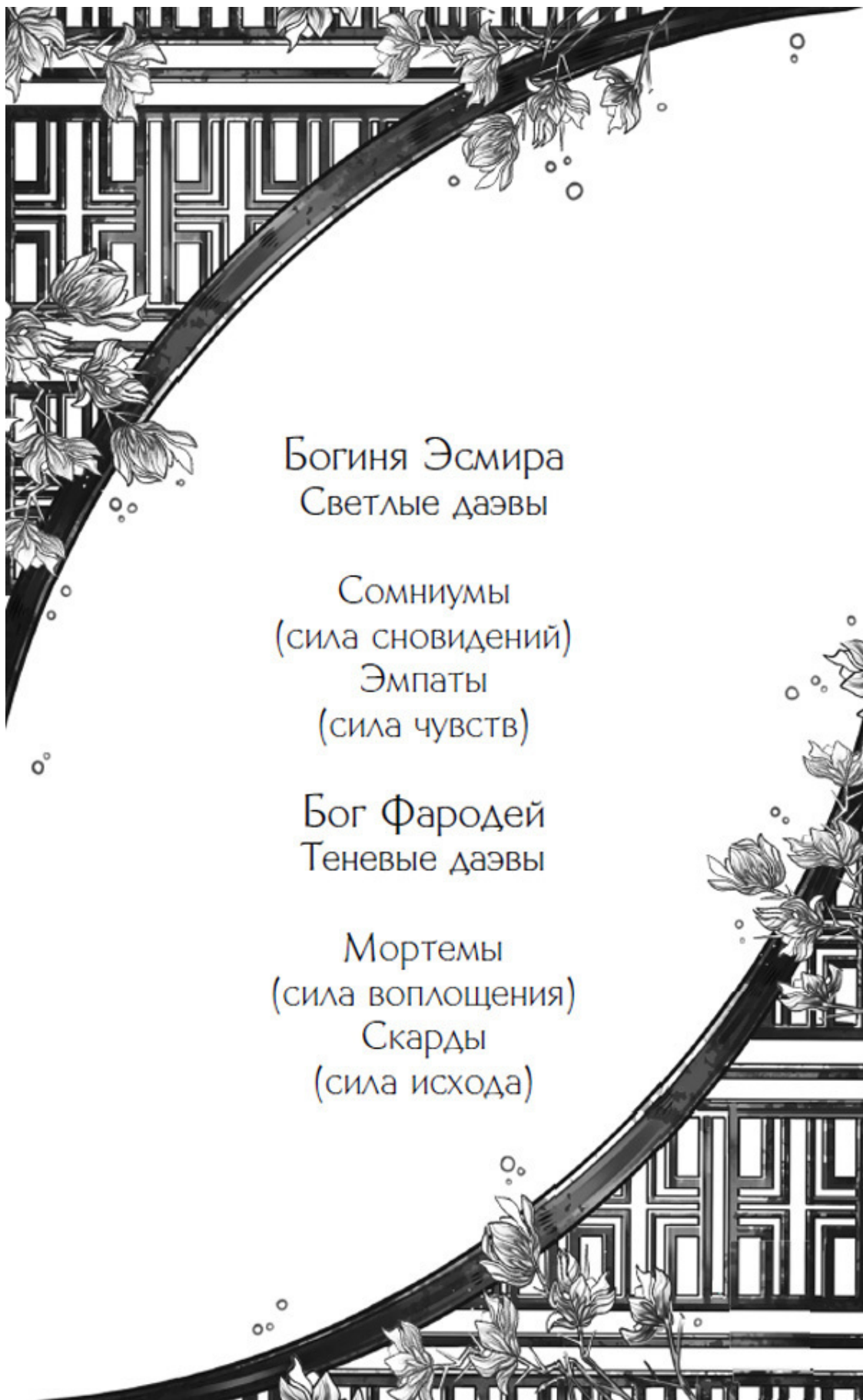
Содержание

Пролог	8
I. Сорол	15
II. Первая охота	24
III. Лоуз Прауд	35
IV. Сапфировая бусина и принц	43
V. Лук и стрелы	53
VI. Кости птицы Рухх	59
VII. Отравленная земля	63
VIII. Предчувствие беды	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алекс Анжело

Кровь и Плен

Богиня Эсмيرا
Светлые даэвы

Сомниумы
(сила сновидений)
Эмпаты
(сила чувств)

Бог Фародей
Теневые даэвы

Мортемы
(сила воплощения)
Скарды
(сила исхода)

Пролог Луна и Ворон

Не боги создали Дэвлат, а сам Дэвлат сотворил богов, чтобы они защищали людской род.

У нашего мира есть своя воля, но обращает он свое внимание лишь на некоторых из нас.

«Легенды Дэвлата» Библиотека Академии Снов

Раз в месяц, в день ярмарки, жизнь кипела в Фатсаре, как ни в одно другое время. Новые прилавки устанавливались всю ночь, а уже ранним утром торговцы спешили занять свои места. Особенно предприимчивые растягивали между домами плакаты с указывающей в верном направлении стрелкой, призывающие купить их товар. «Ром, ром, ром – серебряный, янтарный, черный!» или «Обереги и талисманы! Дешевле не найдете!» – гласили они.

Папа всегда твердил, что от продавцов, пытающихся всучить волшебный товар, не стоит ждать добра. Почти все они шарлатаны и бездельники. Не стоит надеяться, что колдовские предметы окажутся на рынке маленького городка. Даже если это произойдет, стоит они будут баснословно дорого. И их все равно обязательно купят, чтобы перепродать кому-нибудь в столице.

Еще отец настоятельно советовал не заглядывать на улицу, где продают вино. Хотя она всегда манила больше других, ведь все на ней говорило о достатке и чувствовалась витающая в воздухе магия. Столы и настилы, позволявшие держать товар в тени, были укрыты золотой тканью, отчего бутылки вина, выставленные на продажу, будто подсвечивались изнутри. Красивые этикетки расписывали вручную. Но простые люди, как и мы, зачастую не рисковали заходить туда из-за постоянных покупателей, что обязательно прибывали на ярмарку.

– Домашнее вино, ввозимое в Фатсар, считается одним из лучших, – сообщил папа, когда я впервые оказалась на рынке. Мне было всего девять, я сидела на передке телеги, болтая ногами, и рассматривала улицу, выложенную брусчаткой, от которой телега тряслась так, что приходилось вцепляться в скамейку. – Поэтому даэвы нередко заезжают на ярмарку, особенно если она оказывается им по пути.

До того дня я ни разу не видела их. Гидеон, сын нашей соседки, говорил, что если обмолвиться с даэвом хоть словом, то на тебя падет проклятие. Твоя душа станет лакомым кусочком для энергии Серого мира, что обязательно сотворит из тебя монстра. И тогда ты станешь темной тварью, чьи алые глаза смогут убивать одним лишь взглядом.

– Чепуха! – возразил отец, когда я рассказала ему о страшилках, гулявших по деревне. – Не верь всему, что говорят, Сара. Люди любят судачить, особенно о том, чего не понимают. У страха глаза велики.

Я серьезно кивнула. Так и знала. Гидеон вечно болтал глупости, пересказывая истории своей мамы.

Папа потрепал меня по волосам.

– Они правда не причинят нам вреда? – на всякий случай уточнила я.

– Нет. Только если ты отнесешься к ним без должного уважения. Тогда они могут разозлиться. Но на такую милую девочку никто не будет держать зла.

– Папа!.. – возмутилась я.

– Думаешь, почему Гидеон за тобой хвостиком ходит?

Я вся покраснелась, насупилась. А отца это только насмешило.

– Только не бей его, – предупредил папа.

Его карие глаза смотрели на меня с любовью, улыбка пряталась в пышной бороде. Он опустил руку, которую я проводила взглядом. Его ладонь с отчетливо видневшимися застарелыми мозолями показалась мне удивительно большой.

– Я не думала...

– Я знаю, что у тебя на уме, дорогая, – прервал отец. – Не надо. Если ты сильнее кого-то, то это повод защищать, а не обижать тех, кто слабее. Гидеон всего лишь мальчишка, и не надо воспринимать все его поступки всерьез.

– Даже если он закидывает окна моей спальни грязью из свинарника? – невинно произнесла я.

– Даже если... – Лицо папы вмиг посуровело: – Подожди-ка, что он делает?

Я повторила.

– Вот же негодник, – покачал головой отец и хитро взглянул на меня. – Нет, ну тогда ты можешь его немного напугать. Немного, Сара. Так, как мы с тобой договаривались. Поняла?

– Да, папа, – ответила я, заговорщицки улыбаясь в ответ.

Наша телега остановилась в одном из ответвлений улицы, на которой велась основная торговля. Прилавки, сколоченные из досок, выглядели не так аккуратно, как те, что стояли в самом сердце ярмарки, и обшарпанные вывески почти не пестрели объявлениями. Роль украшений выполняли цветные флажки, некоторые из которых истерлись и даже порвались и жалко колыхались под порывами слабого ветра.

Я слезла с облучка, жадно вдыхая аромат лаванды, щедро смешавшийся с запахом свежей выпечки. Папа расплатился с важным на вид человеком с отстраненным выражением лица, вытащив из кошелька несколько монет.

Торговые места в этой части города были дешевле, чем на главной улице. Но даже не деньги являлись основной проблемой – местный управляющий лично определял, кто достоин продавать свой товар там, а кто нет. Мы были недостойны.

С тех пор как чуть больше года назад отец стал брать меня с собой, последняя суббота месяца стала моим любимым днем. Субботняя ярмарка, которую отменяли только на зимнее время.

– Сара! Поможешь мне?

– Да, папа!

Перестав гипнотизировать торговцев сладостями горящим взглядом, я кинулась вытаскивать товар из телеги. Внутри находилось все то, что изготавливали в деревне и добывали в лесу поблизости: сушеные травы, шерсть, пряжа, домашняя утварь и разные изделия из металла, созданные нашим кузнецом.

Большинство жителей никогда не покидали Предфор. Лет десять назад возле поселения проходила крупная дорога, которой перестали пользоваться, когда на картах появился новый маршрут, и поэтому деревня оказалась отрезана от мира. Но люди упорно не желали покидать насиженные места, отчего научились жить самостоятельно, создавая собственными руками все необходимые в хозяйстве приспособления и лишь иногда довольствуясь товарами из других мест.

Эту непростую ношу – часто находиться в разъездах, снабжая весь Предфор все же необходимыми порой товарами, – взял на себя отец. Правда, мне путешествовать нравилось, а страх жителей деревни перед большим миром казался смешным.

– Бери только легкое, – предупредил отец, беспокоясь скорее не о моем здоровье, а о моральном спокойствии окружающих. Мне недавно исполнилось десять, но папа утверждал, что я сильнее любого сверстника и должна это скрывать.

На вопрос «почему» он отвечал, что я *особенная* и простые люди этого не поймут.

В такие секунды его взгляд тускнел, а потом он заводил странные речи о том, не хотела ли бы я покинуть деревню. Поначалу я лишь отказывалась, не веря, что отец говорил всерьез. Потом же стала злиться, ведь я ни за что не собиралась оставлять его одного.

Когда все товары оказались выложены на прилавок, я вновь осмотрела улицу, где на углу продавали ярко-красные, бликующие в слепящем солнечном свете яблоки в карамели.

Попробовав их в прошлом году, я ужасно расстроилась, когда не отыскала сладость весной. Лишь потом отец рассказал, что их продают только после сбора урожая.

– Можешь пойти погулять. Только далеко не отходи, – настоятельно произнес папа. – Ты ведь знаешь, куда ходить не следует?

– Да, – рьяно кивнула я, с готовностью перечисляя: – На улицы с вином, оружием, и не уходить дальше прилавков с кожаными изделиями.

– Молодец, – улыбнулся отец. – И долго не гуляй, иначе я буду беспокоиться. Хорошо?

– Да, – с готовностью откликнулась я.

– Какая нетерпеливая. – Он протянул мне несколько медных монет: – Купишь чего-нибудь... Кулон с собой?

Я вытащила медальон из-под воротника рубашки, заправленной в сарафан. Полумесяц покачивался на толстой цепочке. Металл, из которого он был выполнен, немного потемнел – отец намеренно покрыл его каким-то раствором, чтобы он стал непривлекательным для воришек. Но папа говорил, что это украшение дорогое и мне стоит его беречь. И ни за что нельзя потерять.

– Ладно, беги. Но будь осторожной, – поспешно предупредил папа, отвлекаясь, – к нашему прилавку подошел первый покупатель.

Я отвернулась и широким шагом отправилась к вожеленным яблокам, которые выглядели как большие алые ягоды на палочках. Купив сразу три штуки и потратив половину выданных монет, я с довольным видом отправилась гулять по рынку.

Зазывалы кричали, стараясь привлечь покупателей с кошельком потолка. Последние выделялись из толпы своей комплекцией и видом – ходили словно большие нахохлившиеся птицы, важно разглядывая все вокруг. Уличные артисты жонглировали, используя в качестве снарядов те же яблоки – красные или зеленые, но без слоя карамели.

Я остановилась, наблюдая, как подлетают вверх фрукты. Но избалованный народ Фатсара проходил мимо – их уже было не удивить обычным жонглированием. А вот девушка, занимавшаяся плетением браслетов из ленточек, собрала вокруг себя немало местных жительниц.

Доедая второе лакомство и как раз проходя мимо темного переулочка, я остановилась, заметив там группу ребят. На вид все были примерно моего возраста.

Толпа мальчишек в тени окружила беловолосую девочку в длинном плаще, что стояла спиной к выходу на оживленную улицу. Самый старший ходил около нее, как ястреб, и улыбался.

Я уже сталкивалась пару раз с этими задирами, которые так и норовили отобрать папины деньги, выданные мне в начале дня. В первый раз у них получилось. Во второй я уже была умнее, не позволив заманить себя вот в такой закуток.

Я внимательно оглядела тесный тупик. Найдя взглядом вдалеке прилавок отца, возле которого стояла очередь из покупателей, я тяжело вздохнула и крепче сжала деревянную палочку с яблоком в карамели. Отвлекать папу от работы я не собиралась, ведь не так часто бывал такой наплыв людей.

Грустно взглянув на сладость, проверила монетки, спрятанные в широкий пояс сарафана, – в этот раз я подготовилась, пришив на внутреннюю сторону кармашек.

Заходить в темень жутко не хотелось, но и мимо пройти совесть не позволяла. Здоровяк уже тыкал бедную девочку в плечо, пройдя стадию театральной любезности. А девочка была еще ниже, шуплее меня и наверняка младше.

Я быстро подошла к прилавку неподалеку и, отдав половину своих монет, забрала пакет с пряностью. И лишь потом стремительно направилась на выручку незнакомке.

– Мы же друзья. Тебя должны были научить, что с друзьями следует делиться. Денег у тебя много, почему бы не отдать нам хотя бы половину? – услышала я, нырнув в полутьму.

Отец всегда учил меня, что дурные поступки делают нашу душу меньше. И бездействие тоже отщипывает от нее кусочек. Поэтому у плохих людей от души почти ничего не остается. Богиня света Эмира никогда их не примет, зато бог тьмы Фародей с радостью распахнет свои объятия.

– Вы бы работать пошли. На рынке любому дело найдется, – громко произнесла я, наблюдая, как растягиваются в улыбке толстые губы мальчишки при виде меня.

– Снова ты? – Его взгляд устремился к палочке с яблоком в моей руке. Черные глаза заблестели. Он оглянулся на остальных ребят, что теперь собрались у стены дома, усевшись на каменном выступе.

Я тяжело вздохнула, крепясь духом. В первый раз эта свора меня сильно напугала. Вот и теперь, смотря на девчонку, что замерла на одном месте словно статуя, я подумала, что она не может шевелиться от страха.

Попробовала бы хоть сбежать, пока я их отвлекаю!

– Хочешь? – Я помахала сладостью перед самым носом мальчишки. – Возьми. А мы уйдем.

Тот выхватил у меня яблоко, но тут же пробурчал, задрав нос, с самым паршиво сыгранным великодушием:

– Можете идти восвояси. Когда поделитесь половиной своих денег.

Его дружки загоготали. Только теперь, видя, как эти ребята вытянулись за последние месяцы, я поняла, что они старше меня на два-три года, не меньше.

– Ладно, – расстроено сказала я, запуская руку в карман сарафана.

Горловина мешочка была развязана и только ждала своего часа. Рука проникла внутрь, стараясь зачерпнуть как можно больше пряности. Почти все, что хранилось внутри.

– Поторопись, – лениво протянул мальчишка и, отвлекшись на незнакомку, вновь пихнул ее в плечо. Похоже, это стало последней каплей.

– Вы настоящие идиоты, – вдруг процедила она угрожающим тоном, и ее голос показался мне неожиданно низким. Но времени задумываться не было. Все внимание задиры обратилось к ней, а я только этого и ждала.

И швырнула порошок в лицо мальчишке. Тот вскрикнул, растирая глаза и делая хуже, а я вцепилась в руку незнакомки:

– Бежим!

Не оборачиваясь, потянула ее за собой. Благо она оказалась сообразительной, и вскоре мы выскочили на главную улицу, несясь прочь под крики и шум погони, которые стихли, стоило нам оказаться в людном месте, заглушенные звуками ярмарки.

Единственной ошибкой стало то, что мы повернули не в сторону прилавка моего отца, а в противоположную. Но и там я знала местечко, в котором можно было затаиться. Все-таки я приезжала в Фатсар не в первый раз.

Мы протиснулись между торговыми местами к окнам ремесленной лавки и свернули вбок. Я отодвинула край тканой вывески, что прятала за собою еще один закуток, заставленный деревянными коробками со склада магазина.

– Фух, – выдохнула я, расслабляясь и отпуская руку девочки. – Здесь они нас не найдут, – заявила, чувствуя себя так, будто совершила настоящий подвиг и спасла едва ли не полмира.

Запрыгивая на коробку и усаживаясь поудобнее, я подняла взгляд.

– Привет, – сказали мне, когда я в ужасе уставилась на объект своих подвигов. Который, между прочим, оказался совсем не бедной девчужкой, а мальчишкой с задорной улыбкой на устах.

Глаза его были цвета тумана, что стелется по утрам во все еще сонном лесу.

– Ты мальчик, – опешила я, смотря на миловидное лицо, в котором уже угадывались мужественные черты.

Он отличался от всех, кого я встречала раньше. Пусть он и выглядел необычно с этими длинными, как у мамы Гидеона, волосами, но, в отличие от моего соседа, был на удивление складно сложен.

– Ты почему не сбежал?! – накинулась я на нового знакомого, рассматривая его плащ. Он плотно запахивался у горла, а полы едва не волочились по земле. – Испугался? – сощурилась с подозрением.

– Нет, конечно, – отмахнулся мальчишка, забираясь на коробку и садясь рядом. – Я наблюдал. Мне было интересно.

– Интересно, побьют ли тебя?

Он рассмеялся. Смех у него оказался звонким. По рукам у меня пошли мурашки. Я нахмурилась – все же он был странным.

– Нет. Я никогда раньше не сталкивался с человеческими детьми. Мне рассказывали, что они слабые и их ни в коем случае нельзя обижать. Но мне всегда было любопытно, какие они вживую, – продолжил он с восторгом. – И поэтому, когда ко мне подошли на рынке и предложили прогуляться, я с радостью согласился.

– Ну ты и глупый! – Теперь уже рассмеялась я, хватаясь за живот и едва не падая с коробки. – Нельзя так доверчиво следовать за незнакомцами!

– Ну, за тобой же я тоже пошел, – возразил он, и его улыбка сделалась очаровательнее, заставляя проступить ямочки. Я засмотрелась.

И вдруг почувствовала, как *моя тайна* проснулась.

Когда это произошло впервые, я гуляла в лесу около речки. Сидела на берегу, вытаскивая красивые камушки из воды, когда неожиданно ясно ощутила чужое присутствие – Гидеон следил за мной из кустов. Отделавшись от прилипалы, я сразу же побежала к отцу. Рассказала о случившемся, видя, как стремительно меняется его лицо: он посмотрел на меня растерянно и с недоверием, а потом сказал, что, если подобное повторится вновь, я должна хранить это в секрете ото всех. Ведь это моя тайна.

– Я это я. За мной можно, – негромко произнесла я, важно поднимая подбородок.

– Ну и они всего лишь человеческие дети... – небрежно заявил мальчишка и нахмурился: – Что с тобой? Ты в лице переменялась.

– Все хорошо, – упрямо ответила я, вытаскивая кулон из-под рубашки сарафана и зажимая его в руке. Нагретый металл лег на похолодевшую ладонь. Я глубоко вдохнула, ощущая, как то, что дремало внутри меня, вновь собралось заснуть.

– Можно посмотреть? – спросили у меня.

– Конечно, – с готовностью отозвалась я, хотя еще никому, кроме отца, не позволяла касаться кулона. Мальчишка мне правда нравился, он вызывал неведомое доселе доверие. И мгновение назад я убедилась, что он испытывал схожие эмоции.

Я сняла кулон с шеи. Цепочка тонкой змейкой лежала в ладони. Передав ее мальчишке, я в предвкушении замерла. Когда мама Гидеона случайно увидела кулон – я выпальнула грядку морковки, и цепочка просто выскользнула из-под рубашки, – то очень навязчиво интересовалась, откуда тот у меня взялся.

– Откуда он у тебя? – удивился мальчик.

– Отец подарил. Красивый, да? – довольно сказала я, болтая ногами.

– Любопытный. Символы древние. Но значение мне неизвестно, – серьезным тоном сообщил он.

– Древние? Как ты это понял?

– Меня отец обучает.

– А кто твой отец... – спросила было я, как вдруг насторожилась, услышав знакомые голоса.

Как они нас нашли?

Я быстро оглядела проулок, который, как и прежний, заканчивался тупиком. Решетка, парочка гнилых деревяшек, валявшихся на каменной брусчатке, и несколько водостоков, что уходили под землю и вели к реке. Больше вокруг ничего не было. Куда прятаться, оставалось загадкой.

– Я видел однажды, как она шмыгнула под эту вывеску. Они и сейчас точно спрячутся там, – раздалось совсем близко.

Я уже с решительностью сомкнула губы и сжала кулаки, готовая сражаться.

– Сюда, – вдруг прошипели сверху. Задрал голову, я увидела мальчишку. Он перегнулся через край крыши, упираясь коленями в бордюр. Его голова озарялась солнечным светом, точно нимбом, как на картинах с портретами святых у нас дома. – Давай, я помогу.

Он склонился над самым краем. Я улыбнулась, забираясь на пару коробок выше. Прямо в стенной кладке торчал кирпич. Используя его как опору, я подпрыгнула, собираясь ухватиться за протянутую руку.

«Он меня не выдержит! Я упаду!» – запоздало подумала я. Доверие ослепило меня. Как мальчишка ниже ростом поможет мне подняться? Это невозможно.

Но когда моя рука оказалась в его, все сомнения развеялись.

– Поймал! – с радостью заявил он, натужно улыбаясь.

Я улыбнулась было в ответ, но тут же принялась возмущенно отплевываться – его собранные в хвост волосы, свесившись через плечо, упали на мое лицо и попали прямо в рот.

Он потянул на себя, и вскоре мы вдвоем рухнули на нагретую крышу. Благо осеннее солнце не раскаляло черепицу, как в летние месяцы.

Мы притихли, глядя сначала в небо, а потом друг на друга, давась смехом. Внизу, как муравьи, копошились хулиганы. Они разобрали все коробки, считая, что мы спрятались где-то под ними. Мы едва не выдали себя хохотом, когда из черного хода лавки выскочил работник, ругая задира на чем свет стоит и заставляя обратно укладывать ящики так, как они стояли.

В этот миг я подумала, что это один из самых веселых дней в моей жизни. А незнакомый мальчишка, которого я видела впервые, за какой-то ничтожный час стал понимающим другом, которым я так и не обзавелась дома.

«Вот бы он приехал ко мне в Предфор», – мелькнула отчаянная мысль. Но я была уже достаточно взрослой, чтобы не понимать, что этого никогда не произойдет. А еще я знала, что сегодня мы видимся с ним в первый и последний раз.

Стало грустно и одиноко.

– Отстриги их. Зачем мальчишке такие длинные волосы? Тебя засмеют, – с неожиданно вспыхнувшей злостью произнесла я, садясь на крышу и обнимая колени, когда шум внизу затих.

Я соврала. Как раз потому, что они мне, наоборот, безумно нравились.

– Верни мне мой кулон, – требовательно протянула руку я, не смотря на сидящего рядом. И удивилась, позорно шмыгнув носом: – Что ты делаешь?

Мальчишка возился, развязывая тугой шнурок плаща. Совсем скоро в его ладони легла подвеска – ворон с распростертыми крыльями и острым клювом. Птица была гораздо массивнее тонкого полумесяца, зажатого в его руке, но размер звеньев в цепочках оказался одинаковым, и различались они только цветом металла.

Он повернулся спиной, копошась, а когда вновь очутился ко мне лицом, то с самым довольным видом сжимал две подвески, теперь поменявшиеся цепочками. Ворону – светлая, луне – темная.

– Держи, – лишь теперь вернул он мне украшение. – Это мелочь, но пусть напоминает обо мне и об этом дне.

Я забрала кулон, зажимая новую цепочку меж пальцев. Сердце гулко стучало.

– Спасибо, – пробормотала я, представляя, как через много лет, когда уже вырасту, буду вспоминать об этой случайной встрече. Всего лишь цепочка, но она стала чем-то большим... Она стала символом.

Прощались мы спешно – нас уже потеряли родители. Я слышала зов отца, что доносился с другой стороны улицы и практически тонул в гомоне ярмарки. Стоял разгар дня, и торговля процветала. Толпы людей,двигающиеся по улицам, уносили за собой, словно течением реки. Стоило только разойтись, и, оглянувшись, я увидела лишь незнакомые лица.

Я запомнила яркое солнце того дня, облака, невесомые и полупрозрачные, лишь легкой дымкой порой прикрывавшие светило, аромат душистых яблок, корицы и лаванды. Запомнила, как ругал меня переживавший отец, а остыв, потом так же заливисто смеялся, когда я рассказала ему приключившуюся историю. Но вот как выглядел тот мальчишка, вскоре забыла. Он просто остался светлым воспоминанием, которое сохранилось со мной навсегда.

I. Сорол

*Да услышат наши молитвы,
Вернет Святая Сара плоть и кровь,
Сотрясет мир великая битва,
И изгибнет Черный Змей
В ее объятьях вновь...*

Отрывок из баллады «Великое спасение»

На первый взгляд Сорол почти не изменился, разве что чуть разросся – деревянные домики беспорядочно выстроились дальше по течению одноименной реки. Многие крыши, покрытые красной глиняной черепицей, были оплетены цветущим вьюнком, в воздухе царил обычная для здешних мест влажность.

У каждого дома, под самым козырьком, висел пучок лаванды, а над окнами внутри жилищ часто виднелись ловцы снов, которые были так популярны в Исонии, где люди верили, что они сдерживают дурные сны.

Я шла по знакомым улицам, будто оцепенев изнутри. Разглядывая часто попадающиеся рисунки на стенах, где от девичьего лика, начертанного белилами, расходились, подобно солнечным лучам, линии. Последние порой заменяли бабочки, что облаком взвивались к ее голове и окружали, создавая подобие венка. Но сильнее всего меня потрясло высокое засохшее дерево с мощным стволом, ветви которого в мое время едва проглядывались из-за густой листвы. Теперь оно стало памятником, и на коре его вырезали имена погибших. Имен было не так много – пара десятков, но для города, соседствующего со светлой обителью Сорель, и этого оказалось достаточно, чтобы понять, насколько выросло влияние тьмы на землях Исонии за прошедшие годы.

Лишь немного придя в себя, я присела на ступеньку какого-то незнакомого питейного заведения, закрытого в дневное время суток.

Сорол всегда отличался буйством красок и общительным нравом жителей, даже разговаривали они, казалось, громче, чем люди в иных местах. Вот и теперь я слышала, как на другом конце улицы переговаривались две жительницы, крича друг другу из окон домов. А неподалеку бегали дети, пытаясь догнать мячик, скачущий по брусчатке и уносящийся вниз по дороге.

Я совсем потеряла счет дням...

Казалось, я пробыла в Акраксе не меньше месяца, а дома не появлялась еще дольше.

Поднявшись на ноги и поправив накиннутый на голову капюшон, я побрела на звуки торговой улицы. Я обещала Фредерику, который ожидал меня у въезда в город, что вскоре вернусь. Мне надо было побыть в одиночестве, наедине со своими мыслями. Собраться и все обдумать.

Подойдя к прилавкам, я почувствовала какую-то ностальгию при виде яблок в карамели, рука непроизвольно потянулась к карману плаща, вытаскивая позолоченные монеты.

– Одну, пожалуйста.

– Что вы, госпожа. Возьмите. Возьмите просто так, – в благоговении застыла торговка, сразу распознав во мне даэва. – Не надо денег.

Я посмотрела на ее одежду – местами потрепанную, на длинной юбке даже имелась заплатка. Рынок будто утратил свой привычный жизненный ритм – притих, повисла настороженность.

– Так не пойдет. – Забирая лакомство, я положила монету на бочку, из которой и был сооружен маленький прилавок.

Отошла, сжимая попку. Есть не хотелось, но я не смогла пройти мимо. Всегда на подобных рынках ноги сами вели меня к прилавкам с уличной едой. Айвен смеялась над этой привычкой, ведь, купив, я так и не съедала лакомство, а просто носила с собой. Не могла притронуться, словно что-то останавливало меня. Наверное, воспоминания об отце были тому виной.

Наткнувшись взглядом на лавку с широкими распахнутыми окнами, я замерла, инстинктивно поправляя белую полупрозрачную ткань, сложенную в два слоя и закрывающую лицо. Одного капюшона было мало, чтобы полностью скрыть облик.

Это оказался магазин художника, на стенах которого в ряд висели картины, а под ними стояли полки с менее качественными репродукциями. Если бы я не увидела подпись, то себя бы и не узнала. У девушки на всех изображениях было разное выражение лица. То она выглядела мрачно и пугающе, то тепло улыбалась, то застывала в крике. Все эти метаморфозы напрочь убивали схожесть со мной.

Коллекция Люция явно собиралась с особой тщательностью, ведь на большинстве работ я смогла узнать себя.

Но здесь...

Я отвлеклась, едва не вздрогнув, когда маленькая черная птица приземлилась на плечо. Она посмотрела в сторону, куда был устремлен мой взор, и нахохлилась, подпрыгивая на одном месте, а потом словно оцепенела, превратившись во внимательного слушателя.

– Госпожа! – Хозяин лавки, юркий худой мужичок, подскочил, отнеся поклон до земли. – Что привело вас?

Он отступил на шаг, опустив голову и глядя себе под ноги.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет. Я просто прогуливаюсь, не обращайтесь на меня внимания, – произнесла я. В прежние годы даэвы были столь привычным явлением в Сороле, что никого не волновали. Из-за близости обители Сорель местные жители не опасались нас и не так сильно боялись нашей магии.

Но все изменилось... Как меняется направление ветра с теплого южного на ледяной северный.

– Может, вы желаете купить обереги? – показал он на портреты, развешенные на стенах помещения по ту сторону окна. – Есть защищающие от скверны, но вас это, наверное, мало интересует. Может, отгоняющие дурные сны? Самоотверженная Сара избавит вас от кошмаров.

– Она даже себя от них избавить не могла... – Наличие такого талисмана вызвало лишь больше недоверия.

– Вы были с ней знакомы? – Лицо хозяина просветлело, он поднял голову, во все глаза смотря на меня, в его голосе звучала надежда. Его совсем не волновало мое замечание.

– Немного, – с неохотой выдавила я. Это же не назвать ложью, верно? Ведь я и есть Сара. Хотя вполне возможно быть не знакомой с самой собой. Не знать саму себя – совсем не редкое явление...

Я запуталась в собственных мыслях.

– Я видел ее издали однажды, много лет назад, когда был еще мальчишкой. И что удивительно... – Мужчина тихо рассмеялся, растеряв всю свою настороженность и расслабившись. – Она, прямо как и вы, держала в руке палочку с яблоком! – Заметив, что я не разделаю его веселья, продавец подобрался и добавил: – Раз вам не нужен оберег, отгоняющий дурные сны, то возьмите амулет на счастье.

Мужчина запустил руку в карман пиджака, вытаскивая связку тонких золотых нитей, что были нарезаны на равные кусочки. Отделив одну, протянул мне:

– Повяжите на эфес своего оружия, и судьба будет вам благоволять. Символизирует волос удачи. Очень сильный оберег. Не пожалеете. – Владелец лавки склонился ко мне, едва слышно

прошептал: – Извините меня за наглость, но сам Проклятый Черный Змей в это когда-то верил. Говорят, в наше время талисман обратился против него и теперь он не рискует подойти к тем, кто использует его. – Заглянув в мои потемневшие глаза, он отпрянул: – Что с вами? Я сказал что-то неправильное?

– Нет. Все хорошо. Я просто... кхм... удивилась, – не сразу нашла я подходящее слово. Поразительно, что даже та нелепая история оказалась в народе.

Мужчина растерянно стоял, так и сжимая в руках нити. Вид у него был перепуганный. Он боялся, что разозлил меня.

Я нахмурилась. Пусть город мало изменился, но люди стали иными.

– Пожалуй, возьму один, – чтобы хоть как-то подбодрить хозяина заведения, произнесла я. Лицо его просветлело, он протянул мне нить и выжидательно уставился на меня. – После повязку, – пообещала я, помня предупреждение Фредерика о моем мече.

Пусть людей, помнящих меня в лицо, осталось мало, а портреты зачастую не походили на оригинал, но вот Туманный с выгравированными на эфесе лозами и виноградными листьями изображали весьма точно, как и медальон, оставшийся мне от отца. Украшение вообще стало загадкой – тех, кто его видел и до сих пор был жив, я могла пересчитать по пальцам одной руки. Вступив в орден, я всегда носила его под одеждой, а если и доставала, то только в кругу близких. В кругу, который исчислялся моим братом, Айвен и Долорес, бабушкой Фредерика.

Но если даже та глупая история с волосом стала всеобщим достоянием... С какой же тщательностью люди собирали эти рассказы? Здесь не обошлось без влияния даэвов. Кто-то помогал расти вере в Самоотверженную Сару, раз за разом подпитывая ее новыми подробностями.

Эта вера не появилась сама собой. И я не могла решить, что именно не понравилось мне больше: сам факт ее существования или то, что светлые стражи приложили к этому руку.

Кое-как вручив торговцу деньги, я собралась уйти, когда мужчина восхитился:

– Эта птичка привязалась к вам. Как необычно!

– Она за мной следит, – призналась я, а мужчина улыбнулся, приняв это за шутку.

Но я-то знала, о чем говорила: с тех пор как птица села на мое плечо, кольцо Морана холодило кожу, как и само теневое существо, выглядевшее настолько реально, что никто из простых людей не мог распознать его сути.

И украшение, и птица были неразрывно связаны одной и той же силой. Силой, что принадлежала диву. И не зря меня не покидало ощущение чужой магии, даже когда я оказалась в Тронге. Пусть я оставила крепость Северного ордена позади, но частица Люция последовала за мной и никак не желала исчезать, ведь перстень не снимался. Лишь прокручивался на пальце и даже после настойчивых попыток убрать его с руки втягивался в палец, оставаясь на коже тонкой темной полосой.

Но Люций никак не мог оказаться в Сореле – когда я сбежала, нас разделяло слишком большое расстояние, которое должно было лишь увеличиться, учитывая ту спешку, с которой мы путешествовали все это время. По всему выходило, что Моран все еще находился где-то далеко, но вот его теневая сила, благодаря реликвии, смогла разыскать меня даже в Третьем королевстве.

Если только в его распоряжении не оказалась магия, подобная той, которую использовали мы с Фредериком. Но эта печать древняя и редкая, поэтому я сомневалась, что в мире существовала вторая подобная. Семья Сорель очень тщательно охраняла свое сокровище, и если бы не брат, даже я бы о ней не узнала.

Подобное колдовство отнимало огромное количество сил, так что еще пару дней магические знаки выходили донельзя слабыми, а в теле поселялось бессилие. Не шло и речи, чтобы сотворить две подряд. Правда, почему-то в этот раз все было иначе – никаких побочных эффектов.

Но лишь для меня...

Фредерика колдовство подкосило. Все эти дни в пути ему было тяжело держаться в седле. Пусть он это явно не показывал, но я-то все замечала. Поэтому без лишних разговоров, когда мы оказались на землях Исонии, согласилась пересесть в экипаж, хотя с большим желанием продолжила бы ехать верхом. Но мы уже оказались достаточно далеко от Акракса, чтобы не переживать о погоне.

Перед тем как отправиться следом, Морану предстояло вернуться из Кервеля, окруженного Мертвым лесом. Майя не умела ездить на лошади, это тоже наверняка замедлило их путь, если, конечно, Люций не бросил их и не отправился дальше в одиночку.

Я нахмурилась, чувствуя угрызения совести, как и каждый раз, когда вспоминала о Майе. Вернувшись в свое тело, я еще некоторое время ощущала эмоции девушки – она перепугалась из-за неожиданного перемещения. Но достаточно быстро успокоилась, хотя ее чувства еще долго пребывали в сумятице, словно подхваченные ураганом.

Смятение, растерянность, легкий страх и неуемное любопытство.

Я плохо управлялась с новым даром, следовало возвращать его постепенно, как я уже делала когда-то. Поэтому, отвлекшись, я очень быстро потеряла связь между нами и не смогла отыскать ее заново.

В отличие от меня Люций мог использовать маяк – перстень на моем пальце, что позволил силе воплощения отыскать меня даже на таком огромном расстоянии. Но до этих пор, пока я была не одна, див ничем не выдавал себя. Открылся лишь теперь, когда появилась возможность. Намеренно напомнил о себе. Хотя я и не забывала о нем. Уверена, что и это не было для него секретом.

«Никому из них не верь...»

Каждый раз, разговаривая с Фредериком, я словно наяву слышала последние слова Морана. Порою они звучали точно строчка из песни, а в другое время были подобны шепоту на задворках сознания.

Я бы соврала самой себе, если бы не признала, что на душе стало спокойнее, когда я увидела тeneвую птицу. Она напоминала, что я никогда не была одна. Хотя привязанность Люция ко мне вызывала вопросы. И еще большей загадкой было то, что я стала ощущать нечто подобное и к нему.

Но, не покинув северные земли, я бы не смогла во всем разобраться. И я скучала по родным. По дому, где провела юность и который хранил воспоминания о Долорес, вырастившей меня. Лишь там я могла отыскать все ответы.

– Так ты ожидал моего побега... – прошептала я негромко, обращаясь к птице на своем плече.

«Если желаешь уйти, уходи. Я могу подождать еще...» – вновь вспомнила я наше прощание. Это воспоминание заставило смутиться, и взгляд мой заметался по витринам магазинов в поисках того, на что можно отвлечься.

И я нашла. Остановилась у лавки портнихи, где за широким окном на натянутых веревках висели длинные отрезки ткани. Напротив же находились готовые изделия – в основном повседневная одежда, что-то понаряднее обычно шили на заказ. Мантии даэвов же всегда изготавливали в столице, порою даже в королевском дворце, хотя это всегда зависело от благосклонности нынешнего правителя.

Я вошла внутрь. Под ногами скрипнули половицы. Из окна под потолком лился свет, которого хватало, чтобы швеи занимались своим делом. Сами работницы сидели за длинным, занимающим половину помещения столом, на котором покоилось полуготовое изделие.

Одна женщина – самая взрослая – отложила работу и быстро подошла ко мне, шурша юбкой. Поприветствовав, спросила, чем может помочь. Все это время она косилась то на меня, то на птицу на плече, что и не думала покидать своего места.

– Вы шьете перчатки? Меня интересует готовый товар, – спросила я, ни на что не надеясь. Перчатки носили разве что аристократы. А в Сороле только управляющая семья принадлежала к высшему сословию.

Женщина задумалась, разглаживая незаметные складки на юбке. Ее сотрудницы, на время прекратив работу, вытянули шеи, наблюдая за происходящим. В лавке воцарилась звенящая тишина.

Но, заметив мой взгляд, женщины стремительно вернулись к шитью. А лицо главной портнихи вдруг оживилось, на нем отразилось нетерпение и взбудораженность. Она кинулась к стеллажам, где хранились темно-серые коробки разных размеров. Длина нескольких достигала половины человеческого роста, а другие были едва больше раскрытой ладони.

Она некоторое время копошилась, перекладывая их, пока не достала одну, уже успевшую запылиться. Сдувая пыль, кинулась ко мне и, открыв крышку, положила изделие тонкой работы на стол.

Я смотрела на перчатки, испытывая смешанные чувства. Сшиты они были аккуратно – длинные, почти до локтя, но из неплотной дышащей ткани, так что в них не должно было быть жарко. Взяв их в руки, я внимательнее их разглядела. На одной из перчаток с внешней стороны начиналась вышивка серебряной нитью – миниатюрные виноградные листья вились по направлению к запястью и оплетали его.

Они выглядели так, точно шились в пару к Туманному. Очередная случайность.

– Белых у вас нет? – спросила, и так зная ответ.

– К сожалению, нет. Остались только такие, серые, – ответила женщина растерянно. Было везением уже то, что у них отыскалась хоть одна пара. Но серые?..

Как и вышитые виноградные листья, оттенок ткани нес в себе особый смысл. Бытие словно говорило мне: «Привыкай и смирись. Теперь света и тьмы в тебе ровно поровну».

– Хорошо, – вздохнула. – Я возьму их. Не заворачивайте.

Расплатившись, я сразу же надела перчатки, на время передав карамельное лакомство портнихе, и лишь потом покинула лавку. Кольцо теневого дива спряталось под материей.

Когда я оказалась в своем теле, вернулась проблема прикосновений. Как когда-то мне тяжело было отгородиться от чужих эмоций, так теперь моя душа так и норовила упорхнуть, поменявшись местами с новой жертвой.

И менее всего на свете меня прельщала перспектива оказаться в мужском обличье. Но в то же время в голове не раз промелькнула мысль: как быстро кто-нибудь распознает обман?

– Я возвращаюсь к карете. И тебе лучше не показываться им на глаза. В отличие от простых людей они сразу поймут, *что* ты такое, – произнесла я.

Птица некоторое время упрямо сидела на моем плече и вспорхнула, лишь когда на другом конце улицы показалась карета. Точно призрак. В какой-то степени она им и была.

Я проводила взглядом черную точку, что стремительно исчезала в небе, и направилась к экипажу, окруженному несколькими даэвами на лошадях. Эскорт, которому мог бы позавидовать даже король Исонии.

Светлые даэвы. Воины, защищающие мир. В детстве я считала их героями, а потом сама стала одной из них.

Но остались ли они героями? Это вопрос.

Дверца кареты отворилась, а я, скидывая капюшон, зашла внутрь.

Внутри на бархатных подушках глубокого синего цвета сидел див в белом. Фредерик отнял ладонь, которой задумчиво подпирал подбородок, и взглянул на меня. Проницательные глаза цвета корицы будто постоянно искали что-то во мне. Но, к лучшему или нет, пока не находили.

Каждый раз, когда я смотрела в его лицо, что стало старше, мое сердце тяжелело. Я постоянно подмечала изменения в мужественных чертах – возраст отточил его красоту. Глаза, губы,

скулы... А из-под ворота его мантии выглядывал краешек звезды – видимо, на ключицах уже не оставалось места, и знаки отличия теснились к шее.

Фредерик проследил за моим взглядом. Улыбнулся, когда заметил, что я вновь, как в былые времена, прихватила сладость с рынка. Спросил:

– Ты в порядке?

– В порядке, – отозвалась я, перед тем как сесть напротив, по старой привычке передавая яблоки брату. Осеклась, вспомнив, что передо мной глава светлого ордена, а вовсе не тот молодой парень, которым он был раньше. Но прежде чем я убрала руку, див принял случайный подарок. – Спасибо за остановку. Мне было это нужно.

Он понимающе кивнул, а я вспомнила, как мы бродили по лесу еще подростками. И что именно Фредерик первый показал мне, как правильно держать меч. Долорес, его бабушка, уже тогда была слишком слаба, чтобы обучать меня бою.

«Как я могу в нем сомневаться?» – в который раз спросила я себя, чувствуя угрызения совести. Но в то же время отделаться от сомнений не могла, да и не собиралась. Пока не пойму, что на самом деле произошло двадцать семь лет назад.

Нет ничего глупее на свете, чем из-за трусости закрывать глаза, предпочитая правде слепоту.

Экипаж тронулся с места, а я непроизвольно достала из-под одежды кулон.

Полумесяц загадочно сверкнул. Косой луч солнца, проникший в экипаж между шторок занавешенного окна, заставлял серебро сиять, тогда как на цепочке, наоборот, не появлялось ни одного блика.

Зажав украшение меж пальцев, я задумчиво рассматривала его. Мой взгляд постоянно перетекал к худым изящным запястьям, что каждый раз напоминали – я вернулась. Вернулась в свое тело.

– Не волнуйся, – произнес Фредерик.

Он заметно расслабился с тех пор, когда мы пересекли границу с Феросией и Исонией.

– Я не волнуюсь, – ответила я, и не соврала, хотя это уже перестало быть редкостью. Скорее, я была напряжена. Прошло почти три десятка лет.

И больше всего меня настораживало то, как сильно порою брат напоминал своего отца. Тон голоса, которым он разговаривал с остальными... Беспристрастный, жесткий, немного высокомерный. Я всегда считала, что он станет иным главой. Хотя все еще мало видела, чтобы судить.

Но со мной он обращался совершенно иначе. Его взгляд теплел, навевая старые воспоминания. И тогда все сомнения казались глупостями.

Фредерик пригладил золотые локоны, отодвинул край занавески и сложил руки на груди, пряча ладони в широких рукавах мантии. Его лицо стало серьезным.

– Мне жаль, что все так произошло. Если бы я с самого начала знал, что ты жива... – в который раз заговорил он, будто коря себя.

– Фредерик, мы уже говорили об этом. Зачем вновь себя мучить? – почти прошептала я, вспоминая его речи в гостинице в Тронге.

На самом деле за эти дни выдалось мало времени для разговоров, мы либо гнали лошадей, либо рядом постоянно был кто-то посторонний. До тех пор пока мы оставались на вражеских землях, даэвы охраняли главу ордена, не отходя от него ни на шаг.

Я отпустила кулон, ощущая, как кольнуло холодом кольцо на пальце. Оно холодело всегда, когда Фредерик говорил. Будто выражая презрение своего настоящего хозяина.

– У тебя появились жена и дети? – вдруг спросила я.

Фредерик сглотнул и, выдохнув, сухо подтвердил:

– Да.

– Что-то не так? – Его реакция показалась мне странной.

– Да нет. Все хорошо, Сара. Просто есть более важные вещи, о которых нам стоило бы поговорить.

– Возможно. Но и о своей племяннице или племяннике я бы тоже хотела знать.

Учась в Академии, я не задумывалась о времени, когда у Фредерика появится семья. Но не успела оглянуться, и это произошло, как и многое другое.

– Ты скоро увидишь их своими глазами. У меня сын и дочь. Мне и рассказывать не придется... Ты купила в городе перчатки? – Он посмотрел на мои руки. – Ты не нуждалась в них с самого детства.

– Верно, – согласилась я, позволив сменить тему. – Но кое-что изменилось. Мой дар стал иным.

– Да, Сезар рассказывал о том, что ты была в чужом теле. Я сначала не поверил. Но это Сезар. Он бы не повел себя легкомысленно ни в чем, что касается тебя. – Голос Фредерика прозвучал серьезно, немного отстраненно и небрежно. – Значит, это благодаря твоей силе вы поменялись местами? Она так изменилась?

Я перевела взгляд на свои ладони и вновь подняла на брата.

– Не знаю. Пока я ничего не понимаю. Но собираюсь с этим разобраться, – соврала я, стараясь говорить предельно твердо, как раньше. – Но эмоций у меня стало гораздо больше, теперь дар не отнимает их так, как прежде. По крайней мере, не отнимает так много.

– Ты этим недовольна? – проявил Фредерик проницательность.

– В некой степени. Без эмоций проще... Легче принимать решения. То, что было у меня раньше, не имело столько оттенков.

«Без чувств легче жить...» – по привычке добавила про себя.

– Почему мне поклоняются? – спросила я, внимательно изучая лицо брата.

Фредерик вздохнул:

– Нам нужен был кто-то, чтобы оправдать случившееся. Новый раскол – это трагедия. Люди жаждали красивой истории, а не жалкого оправдания, что один из нас просто сошел с ума.

– Сошел с ума? – повторила я за ним. – Люций не показался мне сумасшедшим.

– Ты его совсем не знаешь, Сара. Не стоит верить тому, кто три десятка лет упражнялся во лжи и пытался посеять смуту в королевствах. Благодаря ему настоящий король Акракса мертв, а самозванец, что потакает его прихотям, сидит на троне, – жестко произнес Фредерик. Его скулы напряглись, праведный гнев запылал в глазах. Но див быстро взял себя в руки. – Когда вы нашли кристаллы, то никто сразу и не понял, что они из себя представляют. Прошло несколько месяцев, прежде чем появились первые догадки.

– Сердца богов.

– Верно, – кивнул он со странным выражением лица. – Ты помнишь?

– Нет. Люций Моран рассказал мне об этом.

Имя, произнесенное вслух, заставило Фредерика вновь напрячься. Но лишь его застывшая на миг фигура стала тому свидетельством. За прошедшие годы мой брат слишком хорошо научился держать себя в руках.

– Значит, он рассказал и о том, что его орден собирался напасть на наш?

Слова Фредерика прозвучали слишком невероятно. Пусть светлые и теньевые не жили в полном согласии, но точно не нападали друг на друга. По крайней мере, еще никогда в истории два крупнейших ордена не начинали войну.

– Отец был в гневе. Наши воины встретились на месте, где ныне существует портал. Мы победили. Но под конец битвы появился Люций Моран – увидев, что стало с его орденом, он переступил грань и открыл портал. Находясь в объятьях тьмы, Моран не пожалел никого.

Он замолчал, тяжело взирая на меня. Ожидая реакции. Ожидая хоть чего-то, кроме равнодушия.

– Что с твоей рукой? – Его взгляд коснулся моей ладони, которую я инстинктивно сжала в кулак, прижимая к коленям.

– Ничего. Просто ломит, – ответила, борясь с холодом кольца, которое будто задумало лишить меня пальца. Стоило сказать, и мороз отступил, а я глубоко вдохнула.

Подарок Морана имел еще одну примечательную особенность, которую я обнаружила далеко не сразу. Поначалу меня удивило отсутствие вопросов от брата, ведь кольцо было темным, и любому даэву потребовался бы лишь взгляд, чтобы это понять. Но когда Фредерик случайно застал меня за попыткой избавиться от кольца, я наконец-то все поняла – он не видел магический перстень на моем пальце.

– Как тогда? – красноречиво произнес он, напоминая о моем нелепом оправдании.

От надобности отвечать меня избавил негромкий скрип – отворяли главные ворота. И стоило экипажу сдвинуться с места и проехать чуть вперед, как зазвонил колокол. Звон прозвучал словно гром среди ясного неба.

Фредерик озадаченно нахмурился.

Один колокол затих, и на смену ему пришел другой. Я прикрыла глаза, сохраняя видимую невозмутимость. Я лишь недавно вспомнила про магические колокола, развешенные по всей обители, – они звенели, когда вблизи появлялась темная магия. Будь то монстр, артефакт, теневой див или та, кем я стала теперь, – не важно. Они реагировали даже на крупницы несветлой магии.

Снаружи послышался шум.

– Почему они звенят? – прямо спросил брат, догадываясь, что причина как-то связана со мной. – Ты что-то взяла с собой из Северного ордена?

Пусть сказано было невозмутимо, но в его тоне мне все равно послышалось подозрение. Будто он сомневался. Сомневался во мне.

Это расстраивало.

Я инстинктивно прикоснулась к ножнам, в которых покоился Туманный, набираясь спокойствия, следуя своей привычке, ставшей ритуалом.

– Они реагируют на меня, – призналась я, не поднимая взора. – На магию тьмы, что заключена во мне.

Полуправда – почти что ложь. Но о наличии кольца, которое тоже было одной из причин тревоги в Светлой обители, я решила умолчать. Настороженность не позволяла мне полностью довериться даже своим. Лишь когда избавлюсь от сомнений...

– Магия тьмы? – Голос Фредерика прозвучал низко. Было слышно, как он шумно и напряженно втянул воздух через нос.

– Да. Из-за того, что я упала в раскол, – пояснила я, так и не желая видеть лица брата.

Тень теперь стала частью меня, а светлые, так гордящиеся своим происхождением, вряд ли примут это. Их ожившая святая отнюдь не так непорочна.

Подавшись вперед, я отодвинула шторку из ткани цвета индиго, увидев белые стены и купола, усеивающие обитель Сорель. Свет закатного солнца золотом обволакивал камень, играя песочными оттенками с примесью легкой розовизны цветков яблони, распускающихся по весне.

Все вокруг напоминало мне о прошлом. О годах, проведенных в этих стенах, и о Долорес, тратившей так много времени на мое обучение. Она умерла, а я пропала на четверть века, но до сих пор жалела, что не успела на погребальный ритуал.

«Я...» – попыталась вспомнить, ухватившись за чувство горечи, всколыхнувшееся в сердце.

Виски заломило. Я прикрыла веки, терпя эту боль.

«Я не успела?» – подумала неуверенно, ведь те воспоминания, как и многие другие, оставались в тени.

Картины прошлого неожиданно предстали перед глазами. Они буйным потоком увлекли за собой во вновь начавшую рассеиваться тьму...

II. Первая охота

Даэвы слишком любят вино, невозможно найти напиток, что прельщает нас сильнее его.

«Из записей исчезнувшего ордена Хранителей» Библиотека города Турис

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

– Луна такая яркая сегодня... Ты видишь темные пятна? – спросил Люций, сидя у открытого окна и смотря в небо. – Говорят, если сила теневых даэвов была столь велика, что не нашла после их смерти мира на землях Дэвлата, она уносится выше и находит пристанище на ночном светиле.

Договорив, он взглянул на мое лицо. Листая книгу, я старалась не обращать на него внимания, но все равно отвлеклась, когда див посмотрел на меня.

– Чушь, согласен. Но занимательная чушь.

Воцарилась тишина. Я вздохнула, вновь читая одно и то же предложение по третьему кругу.

Моран налил себе вина, бутылку с которым стащил с праздника Наступления Весны. Огни на башнях Академии Снов потухли совсем недавно, наконец-то рассеяв магическое зарево над лесом. Праздник Наступления Весны всегда отмечался с размахом, ведь ночь с каждым днем становилась короче, а день длиннее. У нечисти оставалось меньше времени, чтобы выйти на охоту и полакомиться людской плотью.

Лето – это жизнь, а зима несет смерть. Это правило прочно укоренилось на землях континента.

– Будешь? – предложил див, вновь обернувшись ко мне и потрясая своим стаканом. – Нет? Ну и зря.

Сладкий аромат вишни заполнил всю комнату, напрочь вытесняя аромат мяты, словно что-то ненужное. Растение росло прямо под окном. И лишь пару недель назад посаженные мною семена дали всходы. А теперь я размышляла о том, не потоптал ли их Люций, забираясь ко мне в спальню.

– Но знаешь...

– Люций, что ты здесь вообще делаешь? – не выдержав, процедила я.

Захлопнула фолиант, уставившись на Морана, чьи волосы в лунном сиянии едва ли не светились, точно маяк в ночи. А жидкость в стакане, который он держал, выглядела багрово-алой на фоне его бледных изящных пальцев.

Они казались слишком хрупкими для мечника. Но сила, заключенная в наших телах, напрямую зависела от магии, поэтому ни одного даэва не стоило судить лишь по внешнему облику.

– О, ну, увидел, что ты не спишь, – не растерялся див. – Подумал, дай-ка составлю компанию. В одиночку лучше не пить. Так ведь и спиться можно.

Люций вновь подлил себе вина. Багровая жидкость заплескалась по стеклянным граням.

Я пораженно уставилась на него. Не слышала причины нелепее, чтобы теневой даэв надо-едал светлomu. Особенно посреди ночи. В Академии Снов.

Вернувшись после официальной части праздника, я поняла, что совсем не чувствую себя уставшей. Поэтому, немного подумав, я решила почитать книгу, расположившись на циновке. Ставни были распахнуты, и свежий теплый ветер гулял по комнате. День выдался на редкость погожий для начала весны.

Ничего не предвещало беды, когда спустя некоторое время я услышала шорох, переросший в шаги, – кто-то топтался у моего окна. А потом появился Люций Моран. Поначалу он едва выглянул из-за подоконника, с любопытством рассматривая спальню и не сразу заметив меня.

Но когда наши взгляды встретились, повисла немая пауза, моя рука застыла, так и не перевернув страницу. Лицо Морана озарилось, брови подпрыгнули вверх. Он как ни в чем не бывало забрался внутрь и, подтащив стул, уселся у подоконника.

– Читаешь? Сегодня много звезд. В такую ночь просто преступление спать, – сообщил он и затих, обратив все свое внимание к небу. Долгое время див молчал, а я все никак не могла отделаться от мысли о неправильности происходящего.

Но заговорить с Мораном – все равно что добавить поленьев в костер. Вот только огонь под именем Люций не нуждался в искре со стороны и вспыхнул сам, когда ему надоела тишина.

– Ночью гулять запрещено, – сказала я, наблюдая, как стремительно пустеет его бокал.

– Патрули упразднены. Сегодня праздник. Кому, как не тебе, Сара, знать об этом? – с насмешливой улыбкой отозвался он.

– И лишь поэтому ты до сих пор сидишь здесь, а не у наставника.

– Не только поэтому... – лениво возразил он, шаря взглядом по комнате. Отыскав второй стакан, стоявший на тумбочке, он поднялся и взял его. А потом внезапно выплеснул налитый в нем маковый чай, который я настаивала, чтобы выпить перед сном, в окно.

«Моя мята... Мой чай...» – сокрушенно подумала я. Взглянув на Морана и испытывая некое бессилие, со вздохом накрыла ладонью лицо. Стакан был наполовину полон – видимо, теневой див подумал, что я уже часть выпила, а про мяту он просто не знал, злиться было бесполезно.

Аромат вишни стал ярче, я подняла взор, увидев протягиваемое мне вино и ничего не подозревающего Люция.

Я некоторое время задумчиво смотрела на напиток, но все же сдалась.

– Теневые негодовали всю неделю. Ты доставила им массу неудобств, – проговорил див, возвращаясь на место. – Но, безусловно, многие рады, что твое наказание подошло к концу.

После той ситуации, когда я соврала насчет книг, оправдывая Люция, мне увеличили количество ночей в патруле и переменили время – теперь я следила за порядком вместе с отрядом теневых. Которые относились к своим обязанностям, мягко говоря, условно. Их друзья и в принципе все теневое отделение часто гуляли по ночам, совсем не таясь. В первые дни я ловила их пачками, приходилось обездвигивать и собственноручно тащить к наставнику, чтобы те не сбежали.

Однажды попался и Люций, у самой границы территории Академии Снов. Див нещадно болтал, связанный по рукам и ногам, и, чтобы хоть как-то насолить, успел лизнуть мне пальцы, пока я крепила печать тишины на его лицо. До сих пор мурашки пробирали от ощущения его языка на моей руке.

Когда это случилось, я выпустила связанного Морана, и тот упал, волчком покотившись с пригорка. Кинувшись его догонять, упала и я сама – широкие рукава мантии зацепились за торчавшие ветки кустов. Тем временем Люций успел врезаться в ствол дерева, возмущенно ойкнув.

Печать тишины слетела с лица парня. И тот, сам развалившись на земле и собрав на себе все дары природы (на пути ему попался куст с зимними ягодами, которые пусть и не оставили заметные в ночи следы на его одеянии, но на моей белой веревке, связывавшей его тело, вполне отметились), спросил у меня:

– Ты в порядке?

– В порядке, – отозвалась я, поднимаясь и склоняясь над ним. Оглядела, отметив царапину на щеке. Протянула было ладонь, но, опомнившись, отдернула. – Помажешь лечебной мазью. Ушибов нет?

– Ну-у-у... Почти нет, – задумчиво протянул он, а потом добавил, напрочь убивая все мое чувство вины: – Разве что мягкую точку отбил, но с этим ты мне вряд ли поможешь.

Я выдохнула, хватаясь за веревку и собираясь поставить Люция на ноги, как вдруг услышала грохот – это был звон, от которого затряслась земля под ногами. Тревога.

На обеих башнях зажглись огни. Они багровым сиянием озарили светлые и темные стены и сделали облака на небосводе грязно-коричневыми.

В ту ночь под землей сгорел архив библиотеки, уничтожив все записи о посетителях и книгах, взятых на руки. Остальные труды не пострадали. Но даэву-смотрителю, уснувшему за столом с горящей свечкой, которые использовать в читальне вообще запрещалось, пришлось оставить свою должность и покинуть Академию Снов.

Мы с Мораном видели пепелище. От архивной комнаты ничего не осталось. И даже ценная древесина Вечного дерева, из которой были изготовлены книжные шкафы, пострадала, местами прогорев. И это все несмотря на природную устойчивость к пламени. Живому растению никакой огонь не мог навредить, но вот сотворенная из него мебель была не столь неуязвима. Видимо, пламя было слишком жарким.

Прибрались в пещерах быстро, но по коридорам подземелья до сих пор гулял запах гари.

– Что не дает тебе покоя? – вдруг спросил Моран, склонив голову и посерьезнев. Его пальцы сжимали цепочку, что обвивала шею парня и пряталась под мантией.

– О чем ты? – невозмутимым голосом отозвалась я, чувствуя тяжесть в груди.

– В последнее время ты недовольнее обычного. Неужели жалеешь, Сара? Жалеешь, что помогла мне тогда? – отпивая вина и бросая на меня косой хитрый взгляд, полюбопытствовал он.

– Нет, не жалею.

Я ни капли не сомневалась в том поступке, но моя же совесть меня не отпускала. И то, с каким рвением я отбывала наказание, стало в своем роде искуплением за ложь. Я светлая и должна ею оставаться, а не сидеть посреди ночи в своей спальне с надоедливым тeneвым дивом.

Но вся ирония в том, что мне нравилось проводить время с Люцием гораздо больше, чем я хотела бы. Пусть теперь того требовали сложившиеся обстоятельства, но все же.

– Значит, архив... – угадал Моран, сощурившись. – А я думал, как долго ты будешь избегать этой темы. Уж слишком удачно он сгорел. Да и ваша новоявленная карательница крайне быстро покинула Академию. Похоже, что ее визит вообще предназначался не для поиска виновного, а для давления. Давления на тeneвых из-за той охоты, где погибли все светлые.

Люций произнес то, о чем я и сама неоднократно размышляла, но ни с кем никогда не обсуждала. Когда на охоте погибли даэвы только с нашей стороны, это событие всего за пару недель обросло тревожными слухами, грозившими враждой между орденами. Но эти слухи рассеялись так же неожиданно, как и возникли. А Элизабет Ларак покинула Академию Снов еще до пожара в архиве – у дэвы накопились дела в обители. То, что советника главы ордена отправили заниматься этим делом, изначально вызывало много подозрений.

– Библиотека в Турисе... – начала я, игнорируя все сказанное ранее. – Слышала, она почти такая же древняя, как та, что в нашей Академии. Ее тоже основал орден Хранителей.

Мне не требовалось договаривать, чтобы Люций все понял. Буквально на днях весь первый курс отправлялся на охоту как раз в тот город вблизи лагеря на озере Спокойствия.

– Меня посещали похожие мысли... – лукаво улыбнувшись, на мгновение обнажая свою истинную суть, согласился Моран.

Неизвестного злоумышленника интересовало наследие предков. Он что-то разыскивал. И возможно, если нам повезет, в библиотеке Туриса мы получим ответы. Собрание Академии Снов уже давно лишилось пары десятков экземпляров – все книги Хранителей изучили, а интересующие забрали. Возможно, до второй копилки знаний наш вор добраться не успел.

Изначально я не желала вмешиваться, но преступник затаился, и всем вокруг неожиданно стало все равно.

Халатное безразличие.

Я отпила вина и поморщилась. Сладкое. Даже чересчур. Нахмурилась, внезапно ощутив горечь, которой там быть не должно.

– Ты что-то добавил, – сказала я, прожигая дива пронизательным взглядом.

Обычно в вине было слишком мало градусов, чтобы опьянить даэва, но то, что я держала в руках, оказалось куда крепче. В аромате вишни чувствовалось что-то еще.

Я принюхалась.

Кедр.

– Кедровая настойка! – Вскинув взгляд, я угрожающе процедила: – Люций Моран...

– Что? Ты не спрашивала. А по мне, так даже вкуснее. – Он хлебнул еще, оставаясь трезвым как стеклышко.

Я же поставила стакан на пол.

– Значит, мы заглянем в библиотеку... Ну хорошо, – протянул див спустя несколько минут молчания. – За твоё здоровье, Сара. И пусть боги помогут нам не вляпаться в неприятности.

Отсалютовав, он вновь опустошил бокал.

«В твоём случае не вляпаться просто невозможно», – подумала я, наблюдая за Люцием: его губы стали красными, почти такими же, как лепестки ликориса – цветка смерти.

* * *

Темная дорога с островками зелени уходила вдаль. Мы отставали от остальных светлых, отправившихся в Турис, на шесть часов. На влажной от прошедшего ночью дождя земле остались их следы.

Я вспомнила, что когда-то по этой же дороге катили повозку с ревенантом, которого нам не раз показывали за последний месяц обучения. От голода монстр становился все медлительнее с каждым днем – без свежей крови нечисть иссыхала изнутри.

– Айвен, все же повезло, что твоя мама уже уехала, – заметила я. Многие верили, что если охота начнется неудачно и возникнут проблемы, то все и дальше пойдет не так, как надо.

– Ну извини, извини! – повторила девушка, уже не хныча.

Я лишь прибавила шагу, понимая, что иного выбора нет. В Академию Снов не впускали людей, поэтому нельзя было нанять помощников, которые могли следить за порядком и работать в конюшне. Она была маленькой, вмещающей в себя не больше десятка скакунов. За ними ухаживали провинившиеся в своих орденах даэвы, которых порою отправляли туда за разные проступки. Но этой участи зачастую удостоивались и не очень умелые воины, занимающие низкое место в иерархии своей обители.

По этой причине ученики обычно отправлялись к месту охоты пешком. Это считалось одной из тренировок, испытанием на выносливость. Тем более места, куда шли молодые воины, зачастую находились не так далеко от башен тени и света.

Но пусть даэвы уставали не так быстро, как люди, долгое путешествие все равно утомляло и порою навевало скуку. Особенно когда ты был вынужден пройти по одной и той же дороге дважды.

До Туриса же было чуть больше дня пути. Каждый добирался до города самостоятельно, но наставник наказал не делиться на группы меньше трех человек. Пусть дорога славилась своей безопасностью, но нельзя было пренебрегать главными правилами предосторожности.

Изначально мы с Айвен отправились вместе со всеми светлыми даэвами, но когда спустя три часа пути выяснилось, что девушка забыла свой меч, это вызвало волну негомого раздражения и недовольства.

Необходимо было возвращаться, иначе Айвен бы отстранили от охоты и отправили письмо в обитель – последнего она боялась как огня. Она стояла, поникшая и перепуганная, готовая идти в одиночку. Остальные переглядывались, зная, что отпускать одну нельзя, но и возложить на свои плечи дополнительные шесть часов пути никто не спешил, ведь придется идти всю ночь, чтобы успеть к следующему утру. Они не отдохнут, а им еще весь день предстояло расспрашивать жителей и разыскивать зацепки в надежде, что к заходу солнца они смогут отыскать затаившегося в той местности монстра.

Каждый желал получить звезду, у многих ключицы были девственно-чистыми, без знаков заслуг. И даже при малейшей возможности отличиться никто не хотел терять этот шанс.

– Я пойду с тобой, – произнесла я, чувствуя облегчение, охватившее остальных. Даэвы переглянулись. Айвен виновато смотрела на меня, и глаза у нее были на мокром месте. В последнее время она стала более рассеянной. Возможно, это было связано с недавним визитом ее матери в Академию Снов.

– Вы вернетесь вдвоем? Разве мы можем их отпустить? – возразил Ной, выступая вперед. – Наставник узнает, и все получат выговор.

– И что ты предлагаешь? – спросил кто-то.

– Ничего. Никто не возвращается, и все мы продолжаем путь. Этот случай научит дисциплине. Как вообще можно забыть свой меч? – Див искоса глянул на Айвен и хмыкнул: – Если, конечно, никто не желает быть третьим в этом отряде.

Все согласно закивали.

– Я... я пойду с ними, – несмело подняв руку и тушуясь под всеобщими взглядами, выступил вперед Винсент.

Ной усмехнулся:

– Ну хорошо. Тогда не смеем мешать. Теперь вас трое. – Он развернулся, собираясь продолжить путь. Остальные последовали его примеру.

– Сара, – окликнул меня Натан Страйд, когда даэвы отошли на несколько метров. Юноша был одним из первых по успеваемости на нашем году обучения. – Будьте осторожными. И извини, что не могу пойти с вами.

Див опустил взгляд. Он чувствовал вину. Но, видный представитель своего ордена, как и все стражи, он не мог упустить выпавшего первого шанса. Главы и умудренные опытом даэвы больше всего любили обсуждать успехи молодого поколения. Хвалиться ими. Ведь именно нынешние ученики выстроят будущее ордена и станут его опорой. Очень важно проявить себя во время вот таких вылазок.

– Ничего. Не беспокойся об этом, я все понимаю, – отозвалась я, ни в чем его не виня.

У меня самой не имелось и капли желания затягивать и усложнять и без того долгое путешествие. Но и Айвен бросить я не могла.

Натан поджал губы в сожалении, все еще колеблясь. Потом бросился догонять успевшую отойти группу.

Я же повернулась, собираясь отправиться в противоположную сторону.

– Спасибо, Винсент, – взглянула я на чувствовавшего себя неуютно юношу.

Тот, заметив мой взор, покраснел.

– Я... я просто мог помочь, – смущенно прошептал он.

Винсент суетливо провел рукой по светло-русые, слегка завивающимся волосам, будто не зная, куда деться. Веснушки на его носу и щеках будто придавали облику молодого воина еще большей рассеянности.

Див так переживал. Нервозность волнами распространялась от его тела.

Почти весь путь обратно Айвен плелась, отставая на несколько шагов, и постоянно шмыгала носом, коря себя и непрестанно извиняясь перед нами. Но, когда мы вернулись в Академию Снов и она смогла забрать свой меч, оправившись от случившегося, дэва будто ожила. Безустанно благодарила, прижимая к груди оружие. Когда мы оставили позади место, где нам пришлось разминуться с основной группой, девушка и вовсе повеселела.

Было приятно видеть, что она вновь стала собой. Шла, задрвав голову, разглядывая верхушки деревьев, растущих по краю дороги. Мы были уже девять часов на ногах, закатное солнце клонилось к горизонту, и скоро надо было устроить привал.

– Не обращай внимания, если остальные будут что-то говорить о случившемся, – произнесла я, прекрасно понимая, что и светлые, и теньевые могут начать поддевать подругу. – Но в следующий раз надо быть внимательней, Айвен. От того, будет у тебя меч или нет, зависит не только твоя жизнь.

– Я понимаю, Сара, – помрачнев, отозвалась она, обращая взор на свой клинок с инкрустированным в эфес сапфиром. И вдруг тихо добавила: – Но порой я смотреть на него не могу...

Взметнув взгляд, она будто осознала, что сказала лишнего. Ларак прибавила шагу, догоняя светлого дива, идущего несколько впереди нас.

– Винсент, а ты из какого ордена? – пристала к нему подруга.

Я покачала головой. Провести бок о бок на занятиях полгода и не знать ордена даэва – как минимум невежливо. Хотя в данном случае Айвен наверняка лукавила и использовала вопрос как повод завести беседу.

Обычно Винсент вел себя тихо, не выделялся, поэтому Ларак до нынешнего момента практически с ним не говорила.

– Орден Рухх, – отодвигаясь от нее, пролепетал парень.

– Орден Рухх? – нахмурилась Айвен.

– В честь огромной птицы, обитающей на Затерянных островах. Она иногда долетает до берегов острова Рухх, – вмешалась я. Будь на месте Винсента кто-то иной, и Айвен могла бы пожалеть о своем незнании.

– Это остров у самого раскола в Серый мир? – округлила глаза Айвен и, загибая пальцы, стала перечислять: – Получается, птица Рухх, остров Рухх и орден Рухх. Наверное, и фамилия твоя Рухх?

– Нет, Рок. – Парень опустил взгляд, вновь смутившись. – Но это одно из малоизвестных названий птицы Рухх.

Девушка засмеялась. Ее смех пронесся по пустынной дороге.

– Айвен, – позвала я, внимательно наблюдая за подругой все это время, – пусть орден Винсента и малочислен, но они больше всех знают о мутациях монстров. Хоть остальные виды встречаются крайне редко и ревенанты – наша главная напасть, но именно незнание погубило многих даэвов даже при столкновении с самыми слабыми из них. Думаю, Винсент ведает о нечисти гораздо больше нас с тобой и нам есть чему у него научиться.

Орден Рухх существовал довольно обособленно из-за отдаленности от остальных обителей светлых. Лишь недавно их глава вошел в общий совет.

– Спасибо, – пробормотал див.

Я покачала головой. Меня не за что было благодарить.

Вскоре мы остановились на привал у дороги, поросшей сорняками. Этим путем мало пользовались, люди здесь почти не встречались, за исключением редких путников, случайно

свернувших на развилку с главного тракта, и телег с провизией, что проезжали здесь примерно раз в полмесяца.

– Остальные уже, наверное, добрались, – прошептала Айвен, жуя бутерброд, который достала из своей матерчатой сумки. Ее меч небрежно лежал у ноги, прямо на пыльной земле.

Я согласно кивнула, задумчиво глядя в темное небо с одиноко плывущими в лунном свете, точно куски ваты, серыми облаками. Неполная луна уже шла на убыль, но темные пятна на ее поверхности все еще четко выделялись.

Небу не было дела до земных проблем, оно выглядело так безмятежно.

– Сара, о чем вы задумались? – спросил Винсент.

– Сара всегда о чем-то думает, – ответила ему Айвен.

– Ни о чем. Просто луна красивая. Ко мне можно на «ты», – чувствуя умиротворение на душе, произнесла я.

Осматриваясь, я желала запечатлеть в памяти таинственную и немного мрачную красоту этого места. Темные ветви деревьев были подобны сотням рук, пытающимся дотянуться до неба, стать к нему чуточку ближе, а шуршание листвы походило на хоровой шепот, возносящий молитву. Прочитав много книг, я почти перестала верить в богов – слишком много противоречивого было написано в них. У даэвов еще сохранились труды, раскрывающие истину о личностях некоторых из божеств. Эти истории разительно отличались от тех, что рассказывались в храмах. В них боги были лишь даэвами, отважными воинами, чья смелость превзошла отвагу остальных, а судьба оказалась более удивительной. Но порою встречались записи и о том, что люди становились героями этих историй. Это несомненно доказывало: то, кем мы станем, зависит лишь от нас самих, а не от того, кем именно мы родились.

После короткого привала мы вновь двинулись в путь. Винсент уже перестал смущаться из-за сущей ерунды, но и не болтал попусту. Порой на его губах появлялась легкая, едва заметная улыбка. Несмотря на долгое, изнурительное путешествие, настроение у юноши стало гораздо лучше, чем в самом начале.

До Туриса оставалось еще около двух часов пути, когда на повороте дороги обнаружилась косо стоявшая телега, съехавшая прямо в кусты, – из-за отсутствовавшего колеса она рухнула на один край. Рядом кто-то стоял, переговариваясь, и слышался плач ребенка.

– Кто это? Разве люди пользуются этим путем? – удивилась Айвен.

– Сейчас узнаем, – проговорила я. При приближении стало понятно, что телега застряла между двух деревьев. Лошадь шумно дышала, фыркала и топталась на одном месте за их стволами.

– Вы уверены, что не заметили ничего необычного, уважаемый? – послышался знакомый голос.

– В который раз говорю – нет! Мы с женой случайно забрели на эту дорогу, когда стало смеркаться, поняли, что свернули не туда, и решили возвратиться. А эта животина вдруг взбесилась и ломанулась в лес. Где я возьму деньги на новое колесо?! – Человек, причитая, схватился за голову.

Вдруг раздался треск.

– Посторонись! – крикнули из леса. Мужчина и его жена вскрикнули, а ребенок перестал плакать, когда на дорогу упал ствол высохшего дерева.

– Ты что творишь? – опешил Рафаиль, появляющийся из-за кустов.

– Собираюсь сделать колесо. Не беспокойтесь, сейчас что-нибудь сообразим. – Отряхивая руки, из леса деловито вышел Люций, за ним брел Коэн. – Или ты на себе собирался тащить их телегу? О, Сорель!

Моран приблизился бегом, посмотрел на ствол, лежавший у самых моих ног, и двух даэвов, вцепившихся в мои плечи побелевшими пальцами. С одной стороны выглядывала Айвен, с другой – Винсент. Поведение последнего стало сюрпризом.

– Что здесь случилось?

– Не знаю, наткнулись на них. Лошадь пыталась затащить телегу в лес. Там болота начинают, деревьев меньше становится. Им повезло, что колесо сломалось, край телеги повело, и она не смогла проехать дальше, – негромко поведал Моран, мельком оглядываясь назад. – Смотрю, и у тебя прибавилось подопечных. Неужели меня не хватало, Сорель?

Айвен позади сердито засопела.

Коэн, сложив руки на груди, стоял в нескольких метрах от нас, всем своим видом выражая враждебность.

– Ты мог восстановить старое колесо. – Игнорируя последний вопрос, я посмотрела на дерево у ног.

– Не мог. Оно изначально слишком трухлявое. Я, конечно, рад, что ты такого высокого мнения о моих навыках, Сорель, но гораздо легче по подобию создать новое. – Люций все же достал из кустов старое колесо и, по-разному крутясь, прикладывал его к стволу.

– Как лошадь?

– В полном порядке. Не знаю, что с ней случилось. Может, приманило что-то? Или просто испугалась... – отозвался Моран. – Расспрошу их поподробнее, когда будем возвращаться в город. Вряд ли они поедут дальше после подобного приключения. Плохая примета.

Понаблюдав некоторое время за плясками дива, который кружил вместе со сломанным колесом, я перешагнула преграду, оказавшись на другой стороне дороги.

– Идемте, – обратилась я к Айвен с Винсентом. – Здесь прекрасно справятся без нас.

Мы отошли на несколько метров, уже почти исчезнув в ночи, когда за спиной раздался возглас:

– Сорель, не забудь, что ты обещала угостить меня вином!

Я на мгновенье замерла. Это не было обещанием, просто Люций, как обычно, заговорил меня. Той ночью в моей комнате. Он заявил, что я *обязана* его вознаградить, если мы отыщем что-то в библиотеке Туриса.

– Ты согласна? – бросил Моран, удачно выбрав время. А я, задумавшись, неосознанно кивнула. И див это запомнил.

После этого я дала себе зарок быть внимательнее. Ведь Люций способен всю душу вытрясти, пока не получит желаемого.

– Пока что мы ничего не нашли. Поэтому и угощать тебя я не обязана, – едва повернув голову, повысив голос, бросила я.

Вновь вернула взор на дорогу, собираясь продолжить путь. И наткнулась на взгляд Айвен – удивленный и осуждающий.

– Что вы пока не нашли? – спросила она, смотря на меня все так же – с подозрением, будто не узнавая. Понизив голос, она продолжила: – Ты уже настолько с ним близка? Тебе не кажется странным, что из всей Академии Снов он прицепился именно к тебе? К дочери главы одного из крупнейших светлых орденов?

К дочери главы? Это утверждение было верно лишь наполовину. Все же кровь – не вода.

– Айвен, не надо. Не стоит злословить о том, кого плохо знаешь, – произнесла я, видя, насколько не по душе пришелся Ларак мой ответ. Она шумно втянула воздух, но промолчала, прибавляя шаг.

Смотря ей вслед, я почувствовала вину. Но в то же время и рассказать обо всем девушке я не могла. Это была не моя тайна. А Айвен давала мне слишком много поводов для недоверия.

Наша группа уже долгое время шла в тишине, когда Винсент проговорил:

– Все-таки странное происшествие...

– Да. Путникам повезло, что сегодня эта дорога весьма оживленна. В ином случае они бы остались там одни на всю ночь, а кто знает, что притаилось в этой местности?

Ситуация заставляла задуматься, ведь в Турисе пропало несколько людей. По словам жителей, все пропавшие собирались в путешествие. Логично было бы предположить, что путешествие затянулось либо с ними произошло несчастье уже в пути. Но совсем недавно нашли младенца прямо на дороге, а до этого мужчину со сломанной ногой, что попал в капкан охотника и истек кровью, – он не смог выбраться и позвать на помощь. У младенца были родители, а у умершего имелся брат, который путешествовал вместе с ним, – и все они тоже исчезли. Словно растворились в воздухе. Или их сожрали твари – этот вариант событий был наиболее вероятен.

Изначально, когда только планировалась эта охота, обитание монстра возле Туриса было лишь домыслом. Большая часть учеников и не верила, что мы наткнемся на нечисть. Но в свете последних новостей о пропавших сомнений стало гораздо меньше.

Поэтому в городе нас ожидало трое наставников, хотя обычно в охоте участвовал лишь один. Руководство Академии Снов решило, что лучше подстраховаться, дабы избежать внезапных смертей.

Хотя смерть редко бывает ожидаемой...

Но, несмотря на охоту, на меня Турис навевал воспоминания о лагере у озера Спокойствия, который раскинулся неподалеку. В это время года он практически пустовал, там проживали лишь престарелые даэвы, приглядывавшие за территорией и решившие провести остаток жизни в уединении. Даже в летние месяцы, когда туда отовсюду стекались молодые стражи, постоянные жильцы обычно скрывались в дальней части лагеря, куда ученикам вход запрещали.

Земли возле Великих озер и Академии Снов считались одними из самых безопасных, в округе было слишком много магии даэвов, и это отпугивало нечисть, заставляя ее разбредаться по другим уголкам материка. Но за последние два года Турис уже, возможно, второй раз страдал от порождений тьмы.

На днях, заглянув в хроники, я узнала, что последнее появление нечисти в Турисе, не считая случая со мной, происходило почти пятнадцать лет назад. Безмятежным годам вдруг пришел конец. И если слухи о монстре подтвердятся, то, вероятно, где-то неподалеку находится то, что привлекает энергию Серого мира в этот городишко.

Мысли прервал негромкий скрип, донесшийся сзади.

Люций, управляя повозкой, стремительно нагонял нас, нахлобучив на голову неведомо откуда взявшуюся соломенную шляпу. Сами владельцы гнедой кобылы сидели вместе с другими теньвыми дивами в телеге, у которой вместо одного было целых четыре новых колеса.

– Забирайтесь, подвезем, – предложил Моран.

– Телега развалится, – буркнула Ларак.

– Ничего не развалится, – отмахнулся див, а потом раздался треск. У попытавшегося встать Блеза провалилась в днище нога, проделав дыру. У Айвен вырвался тихий смешок.

– Точно развалится, – прошептала она, пытаясь подавить улыбку.

– Мы сами дойдем. Но спасибо, – отозвалась я, уже видя зарево огней над городом, что не потухали даже ночью. Если мы поторопимся, то успеем даже поспать.

Но, против всякой логики, телега вдруг поехала медленнее, вровень с нами. Не прошло и нескольких минут, как изнутри донесся чей-то храп, – то ли это была семейная пара, то ли кто-то из дивов заснул. А может, и все вместе.

Пусть почти все из присутствовавших испытывали смертельную усталость, нашелся кое-кто, полный сил, – малышка лет семи, чей плач мы слышали в самом начале. Оправившись от шока и поняв, что ничего страшного не случилось, она, едва выглядывая из-за деревянного бортика, пристала к Люцию с вопросами:

– А вы тоже путешествуете?

– Да, мы идем на охоту, – с готовностью ответил Моран.

– Охоту?

– Да. На плохих-плохих существ.

– Ревенантов, да? Я уже взрослая, поэтому знаю о них, – довольная своей догадливостью, заявила малышка, тряхнув головой. Светло-русская коса растрепалась, делая ее похожей на одуванчик.

– Да? Ты и правда взрослая, – наигранно восхитился Люций. – Моя сестра была чем-то похожа на тебя в этом возрасте.

Див впервые заговорил о своей сестре. Я знала, что у главы Северного ордена два ребенка, но даже один из них мог заменить десятерых.

Какая она, вторая Моран?

Девочка повернулась ко мне. Долго смотрела, пока тишину нарушал лишь размеренный скрип телеги.

– Эта тетя меня пугает, – вдруг произнесла малышка, вновь обратив все свое внимание к Морану.

Я вздрогнула. Нахмурилась.

Люций звонко рассмеялся, лишь чудом не перебудив спящих.

– Порой она пугает и меня, – согласился он, бросив на меня хитрый взгляд. – Но на самом деле эта тетя очень добрая. Если бы ты узнала ее поближе, то поняла бы это.

– Она тебе нравится? – спросила малышка, подпирая ладошкой подбородок.

– Конечно. Она мой друг, – как ни в чем не бывало заявил див.

Мой взор метнулся к нему, на мгновение я будто утонула в пепельных глазах.

Такая банальность.

Айвен засыпала на ходу. Винсент тоже. И в повозке было подозрительно тихо. Это создавало иллюзию уединенности. Будто свидетелем этого разговора были только я и он и мало что понимающий ребенок.

– Мама говорит, что когда нравится, то женятся.

– Многому же тебя мама учит, – заметил Люций.

– Да. Она у меня очень умная.

– Значит, ты пошла в нее. – Моран потрепал девчущку по голове.

Дорога вильнула, деревья расступились, являя сплетение новых путей, которые соединялись в одну большую дорогу. Последняя упиралась в запертые деревянные ворота, что охраняли Турис от непрошенных гостей. Неподалеку от ограждения блестела гладь озера – одна его половина относилась к территории города, а другая – за его пределами.

– О, мы почти приехали, – сказал Люций, дергая поводья и заставляя лошадь идти быстрее.

Телега натужно заскрипела и обогнала нас, чтобы совсем скоро остановиться у ворот, где местный стражник проверял въезжающих в город. Город, не спящий даже ночью.

Посмотрев на лес, оставшийся позади, потом на проснувшуюся семейную пару и их ребенка – маленькую невинную девочку, что чмокнула в щеку маму и стала пересказывать недавний разговор с Мораном, – я вновь ощутила возрастающую ответственность за невинные жизни. Коснулась эфеса меча, осторожно проведя пальцами по металлу.

Малышка, сидевшая в телеге, неожиданно стала напевать песенку:

«На заре, встречая рассвет,
Растечется алый цвет.
Землю он облагородит,
И в том месте цветок вырастет».

Я оглянулась на девчущку, которая сама не знала, о чем пела, беззаботно вертя в руке тряпичную куклу. От этого песня звучала еще более зловеще и пугающе.

Ликорис – цветок смерти – нередко вырастал там, где недавно пролилась чужая кровь. Особенно если в ней присутствовала магия, темная или светлая – неважно, как и то, даэву она принадлежала или человеку, обращенному в монстра.

Сглотнув, я посмотрела на Морана – мы оглянулись одновременно, встретились глазами, – внутри его темно-серых радужек вновь бушевала гроза.

Скрип открывающихся ворот вывел меня из оцепенения, и я отвернулась, на мгновение сжав ладони в кулаки и чувствуя, как в горле неожиданно пересохло. Было так странно понимать, что из всех окружавших меня даэвов я неожиданно нашла понимание лишь у теневого дива, чьи эмоции раз за разом оказывались так созвучны моим.

III. Лоуз Прауд

*Свету и тьме – не бывать вместе.
Не зря мы тщательно чтим этот закон.
Рано или поздно либо свет развеет тьму,
либо тьма погасит свет.*

*Не означает ли это,
что даже исход многовекового
союза предопределен?
Тогда не должны ли мы позаботиться
о людском благе?
Разве не обязаны мы одержать верх?*

«Записи светлого даэва» Библиотека ордена Сорель

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Распрощавшись с семейной парой, мы отправились на поиски гостиного двора, о котором упоминал наставник.

Город утонул в неплотном тумане, фонари на козырьках домов были похожи на блуждающие огни – души умерших, что можно встретить в местах, где ткань между мирами особо тонка из-за скопившейся магии.

Но, несмотря на столь поздний час, тут и там встречались люди – они убирались и развешивали украшения на улицах. На выходных планировались новые гуляния. Праздник Весны уже долгие годы оставался одним из самых известных и долгих – его отмечали на протяжении всего месяца.

Особенно тщательно этому обычаю следовали в Турисе. Все стремились повязать длинную розовую тесьму на ветку одного из малочисленных деревьев, отчего они словно зацветали, усеянные развевающимися лентами. В самый последний день праздника их снимали и каждый брал чужую ленту – так делились счастьем. Люди верили, что эти обереги помогали избавиться от дурных мыслей: зависти, злости, жажды мести. Достаточно лишь сжать благословенную ленту в руке, и все наладится.

На юге материка жители королевств верили в подобные мелочи и поддерживали эту веру в своих детях. А на Турис, пусть он и находился на территории Феросии, Третье королевство все же оказывало куда более заметное влияние, чем Акракс.

– Винсент, ты первый раз в Турисе? – поинтересовалась я, ощущая волны нервозности от дива, который чувствовал себя неуютно среди теневых даэвов, следовавших вместе с нами.

– Да, – отозвался воин. – Моя семья нечасто путешествует. Обычно для того, чтобы... – Густо покраснев, он внезапно замолчал. Отвел взгляд, делая вид, что внимательно рассматривает дома вдоль покрытой известняковыми плитами дороги.

Повисла немая пауза. Но, заметив реакцию парня, Айвен с интересом посмотрела на него, и даже теневые дивы попеременно бросили вопросительные взгляды, отчего Винсент вынужденно продолжил:

– Мы покидаем остров, чтобы отыскать пару. – Лицо дива пылало, но он спешно добавил: – У нас малочисленный орден, и почти все мы так или иначе приходимся друг другу родственниками. Поэтому...

– Вы отправляетесь в мир, чтобы найти спутника жизни, – закончил за него Моран. Сложив руки на груди и подняв голову к небу, он шел, совсем не смотря на дорогу.

Вновь воцарилась краткая тишина. Некоторых услышанное удивило, других заставило задуматься.

– И сейчас ты тоже ищешь? – спросила Айвен. Девушка не смеялась, даже наоборот – стала гораздо серьезнее.

– Не прямо ищу. Но если вдруг получится... – Не договорив, Винсент порывисто отвернулся, накрыв щеки руками и весьма озадачив своим поведением Айвен.

По мне же, это выглядело крайне мило.

– Могу тебе помочь, – вдруг предложил Люций. – У меня есть в этом определенный опыт. Я удивленно на него взглянула. Див улыбался. Вновь его шутки?

– Не слушай его, Винсент. Вряд ли он сможет тебе чем-нибудь помочь, – невеселым тоном сказала я, решив, что Моран задумал как-то подшутить над светлым. – Боюсь, если у Люция и есть опыт, то только в посещении Радужных домов, – вспомнила я события почти трехлетней давности, когда теньевые как раз по этой причине нарушили правила и покинули пределы лагеря у озера Спокойствия.

Я ускорила шаг, понимая, что идти осталось совсем чуть-чуть. И, уже отойдя, услышала чей-то приглушенный голос:

– Все-таки она тебя ненавидит.

На мгновение я застыла, едва не обернувшись, а потом вновь пошла вперед. Раньше меня не волновали чужие слова, но теперь я испытала легкое беспокойство из-за того, что Люций и правда подумает, будто я его ненавижу.

Ведь это совсем не так...

Предназначенный нам гостиный двор выступал вперед на углу улицы. Длинный козырек над главным входом создавал уютную веранду. По деревянным балкам шли витиеватые знаки, обведенные золотой краской, – это место предназначалось для даэвов.

Мы вошли внутрь – дверь отворилась, стоило только постучать. Единственным источником света в помещении был ночник, висевший на стене неподалеку от входа.

– Что будем делать? – прошептали за спиной.

– Надо кого-то разбудить, – предложил Люций.

Но в это время, зевая, растерянно почесывая затылок и держа в свободной руке подсвечник, появился мужчина.

– Последние? – скучающе осведомился он и позвал нас за собой, ведя к широкой обшарпанной лестнице. – Комнат почти не осталось, только на чердаке. Сами виноваты, что опоздали. Что-то задержало в дороге?

Несмотря на внешнюю сонливость, мужчина оказался любопытным и разговорчивым.

– Да. Мы морозию искали. Слышал, что ее заметили где-то неподалеку в полях, – ответил Люций, оглядывая деревянные стены, по которым скользил трепещущий свет свечей.

– А-а-а, – протянул незнакомец, одаривая дива более внимательным взглядом.

Если мужчина окажется болтливым, то Люций с друзьями будут далеко не последними искателями удачи, которую прочили каждому счастливчику, отыскавшему цветок.

Комнаты наверху были крохотными и старыми, с тонкими стенами, которые наверняка появились на чердаке уже после возведения дома.

Из-за того что спален осталось всего две, Винсенту предстояло делить комнату с теневыми. Либо он мог спуститься и поискать более свободное помещение, при этом грозя разбудить молодых воинов, что отсыпались перед приближающимся заданием.

– Не смущайся так. Я не кусаюсь, – закинув руку на плечо светлому диву, произнес Люций.

– Да, господин Моран, – пролепетал Винсент, покорно шагая вместе с ним.

– И господином не зови, – возмутился див, удаляясь.

Бросив короткий взгляд в спину уходящего дива, я отправилась к нашей с Айвен спальне. Та была длинной и узкой, точно еще один коридор. На противоположной стороне комнаты виднелись высокие раздвигающиеся двери, что открывали путь на балкон, раскинувшийся над верандой.

Подруга опустила скромные пожитки на пол у своей постели. От тонких одеял, накрывавших кровати, шел легкий аромат лаванды – похоже, их цветки зашили внутрь.

Размышления прервали чужие голоса.

Я внимательнее взглядела в стену, разделявшую две комнаты. Приблизилась, понимая, что она была даже тоньше, чем я предполагала ранее. Коснулась ладонью, будто опасаясь, что преграда – лишь иллюзия и моя рука пройдет насквозь.

Наше соседство оказалось еще теснее. Эмоции дивов, разместившихся по ту сторону, ощущались крайне ярко. Даже не требовалось усилий, чтобы их распознать.

Такие громкие...

Я покачала головой, собираясь отстраниться, и вздрогнула, когда стена сотряслась от стука по ту сторону.

– Сара, меня слышно? Ты на меня все еще злишься? – расслышала я голос Люция, стремительно пятясь.

Моран стучал почти минуту, порою отбивая какой-то веселый ритм, но, не дождавшись ответа, прекратил. Вновь повисла долгожданная тишина.

Все это время я смотрела на перегородку со смешанными чувствами, в которых были удивление, раздражение и вопрос: «Почему я должна на тебя злиться? Правильнее было бы тебе гнеться на меня...»

Отвернувшись, я стала расстилать постель, пока подруга скрылась в соседней комнатке, выполнявшей роль уборной.

В какой-то момент, сжимая в ладонях край одеяла, я увидела свое отражение в мутном зеркале на противоположной стороне комнаты – на освещенном лунным светом лице блуждала легкая, едва заметная улыбка.

Улыбка исчезла, а я еще долго размышляла о причине, вызвавшей ее.

– Сара... – тихо позвала Айвен, когда мы легли. Я повернулась, поглядев на соседнюю постель, стоявшую почти вплотную к моей. Дэва несколько секунд молчала, гипнотизируя темнеющий потолок, прежде чем прошептать: – Тебе не стоит водить дружбу с ним.

– Почему? – задумчиво спросила я, сразу поняв, о ком речь. Моран так долго называл нас друзьями, что я была почти с ним согласна. И больше не видела причин для того, чтобы отталкивать его.

Девушка громко выдохнула, поднимаясь на локтях, и продолжила:

– Орден Сорель – один из самых могущественных среди светлых, а Северный царствует среди тeneвых. Это все не шутки. Рано или поздно вы окажетесь на противоположных сторонах. Фредерик станет главой, и ты будешь ему нужна.

– И я буду с ним. Фредерик всегда может на меня положиться, – непоколебимо и спокойно сказала я. – И Моран лучше, чем кажется со стороны, Айвен. Ты должна была это заметить.

– Не знаю... – холодно протянула она. – Пока я отчетливо вижу лишь его хитрость. И не понимаю, почему ты не обращаешь на это внимания.

Хитрость? Да, порой Люций и правда был крайне изворотливым. Нередко див вызывал раздражение, и я до сих пор до конца его не понимала. Но в то же время, сколько бы ни наблюдала за ним, всегда приходила лишь к одному: на Морана можно было положиться и ему можно было доверять. Даже несмотря на случившееся в лагере у озера Спокойствия и на его порою несносный характер. А неуемная энергия дива иногда провоцировала желание связать его. По крайней мере, недавний случай, когда он был пойман с поличным за попыткой покинуть территорию Академии Снов, показал, что это весьма действенный способ усмирения.

– Айвен, что ты знаешь о визите твоей мамы в Академию? – вдруг произнесла я. – Зачем она приезжала?

Повисла звенящая тишина. Скорее всего, из-за тонких стен, разделявших спальни, нас легко можно было подслушать. Но я не придала этому значения. Мы не разговаривали о чем-то по-настоящему важном и тайном.

– Для того чтобы найти виновного, разве нет? – дрожащим голосом проговорила дэва.

– Я думаю, что нет, – прямо высказалась я, ловя ее мимолетный взгляд. У Айвен был ограничитель моего дара, но даже без магии я разглядела панику в серо-зеленых, точно как у матери, глазах. Матери, которую боялась собственная дочь. – Айвен, если тебя что-то тревожит и беспокоит, ты всегда можешь рассказать мне. Вместе мы найдем выход.

– Могу ли? В последнее время мне кажется, что теперь у тебя есть кто-то гораздо ближе, – едко заметила она. Вновь посмотрела на меня, и ее взгляд виновато опустился. – Извини. Не знаю, что на меня нашло. Я просто, наверное, устала. Надо спать. Приятных снов.

Айвен стремительно перевернулась на другой бок и подтянула одеяло выше.

– И тебе, – спустя несколько секунд отозвалась я. Наш разговор вызвал лишь больше беспокойства. Но в то же время я не должна была терпеть постоянные нападки Айвен. Большинство ее подруг мне не нравились, но Ларак я об этом никогда не говорила. Это ее решение – с кем именно водить дружбу.

Вздохнув, я прикрыла глаза. Нам оставалось всего лишь три часа на сон, необходимо было отдохнуть.

Наутро меня разбудил вскрик Айвен. Оказалось, что комната, в которую поселили теневых даэвов и Винсента, не просто соседствовала с нашей, она оказалась соединена общим балконом. Отчего подруга, вышедшая подышать свежим воздухом, смогла лицезреть голые торсы парней. И не только торсы – она случайно застала кого-то из дивов за переодеванием.

Дверь, ведущая на балкон, имела стеклянное окошко, в которое ничего не подозревавшая Ларак и посмотрела.

– Мы опоздали. Пришли последние, вот и результат. Более комфортные комнаты оказались заняты, – сказала я.

Хотя мои слова отнюдь не отменяли того, что нас должны были хотя бы предупредить. Но жаловаться хозяину заведения было слишком. Все же мы воины, и подобные мелочи не должны были нас волновать.

За завтраком к нам с Айвен подседа ее подруга Ирис. Дэва с глазами цвета жженой карамели и такого же оттенка волосами, одетая в белую мантию с вышитыми на ней тонкими зелеными листочками, указывающими на принадлежность к ордену Вечной зелени. Она лениво шевелила ложкой в каше, посматривая на еду без явного аппетита.

– Выглядишь неважно, – заметила девушка, бросая взор на Ларак.

– Спала плохо, – отмахнулась Айвен.

– Слышала, вас распределили в смешанную команду. – Она покачала головой, цокая. – Интересно... Наверное, сложно вам придется.

– Не сложно. Возможно, это даже к лучшему, – нашлась подруга, становясь мрачнее от чужих расспросов. – Не зря же на настоящую охоту предпочитают отправляться совместными группами.

– Ну не знаю. В последнее время теньевые и светлые не очень дружны.

– У нас уже есть несколько зацепок. Поэтому сложностей возникнуть не должно, – похвасталась подруга.

– Да? – заинтересовалась Ирис.

В этот миг к нам подошел Лоуз Прауд – один из наставников, что должен был следить за нашей охотой в Турисе. Высокий и статный мужчина с мягкими чертами лица и тихим голосом. Голубые, словно льдинки, радужки делали его взгляд рассеянным, немного расфокусированным. Будто светлый див постоянно был погружен в себя.

Его руки были облачены в перчатки, позволяющие избегать случайных прикосновений. В первые годы, когда еще плохо контролировала дар, я тоже носила такие. Но через пару лет Долорес заставила меня снять их, сказав, что так я сама возвращаю свою слабость. Уже сейчас я понимала, что в чем-то она оказалась права.

Наставнику было почти полвека, и он до сих пор закрывал свои руки.

Вообще у стражей сложно было угадать возраст, не зная наверняка. Многие просто делили годы на два. Но и это считалось весьма условным, ведь продолжительность жизни напрямую зависела от количества силы в нашей крови, которую отражали дар и сила печатей.

В былые годы, когда я еще даже не родилась, Лоуз Прауд являлся тем, кто поддерживал связь между нашим орденом и орденом Красного леса. Позже учителя пригласили в Академию Снов, где он преподавал до сих пор. Об этом мне рассказал Фредерик, когда дива прикрепили ко мне в качестве личного наставника.

Лоуз Прауд поприветствовал нас. Все сидящие за столом поднялись, в почтении склонив головы. В пределах Академии наставник не носил с собой меч, но теперь я впервые заметила, что оружие было при нем, – скрывалось под широкой голубой мантией. Мне всегда казалось странным такое прохладное отношение к своему клинку, ведь в обычное время он лежал на подставке в его кабинете, накрытый тканью. И, судя по складкам на материи, див мог не прикасаться к нему днями.

– Извините, что потревожил, – сказал он, мельком взглянув на девушек и останавливая взгляд на мне: – Можете уделить мне немного времени?

– Да. Я уже позавтракала, – отозвалась я, несмотря на лишь наполовину опустевшую тарелку.

Губы наставника тронула легкая улыбка. Мы отошли на несколько шагов от стола.

– Мы с остальными наставниками будем приглядывать за вами. Но вы должны будете сами справиться с опасностью, если таковая возникнет, – заговорил учитель.

– Да, я знаю. Спасибо вам за беспокойство.

– Но если ситуация выйдет из-под контроля, используйте печать тревоги, – добавил он. – Остаться в живых – ваша главная задача.

Я промолчала, выражая немое согласие.

– И постарайтесь... хм... избежать новых наказаний. Как бы я ни желал того, но уже совершенный проступок от вашего главы скрыть мне не удастся. Поэтому, если возникнут какие-то сложности и вам понадобится совет, можете всегда прийти ко мне и обо всем рассказать, – произнес он с заботой и мягкой, понимающей улыбкой на губах.

Я смотрела на него, и доверие разливалось в груди. Еще немного, и я бы рассказала о своем намерении посетить здешнюю библиотеку. Но неведомо откуда взялось беспокойство.

И я всего лишь вновь поблагодарила учителя, опустив взгляд и пытаясь понять, что же не давало мне покоя. А когда Лоуз развернулся, направляясь к столу, за которым завтракал, я внезапно поняла: он использовал на мне дар. Расстояние между нами увеличилось, и оковы

спали. По сравнению с наставником я все еще была неопытна, поэтому далеко не сразу почувствовала влияние. Хотя, без сомнения, именно то, что я тоже эмпат, не позволило воздействовать на меня в полной мере.

Касание его магии было невесомым, едва ощутимым. Возможно, я даже не должна была догадаться о влиянии.

Я заставила себя успокоиться и отвести взгляд от учителя, посмотреть на других наставников – двое тeneвых сидели порознь друг от друга.

Одну из них – женщину со светлыми волнистыми волосами, едва достигающими плеч, – я узнала. Алый тонкий шрам на ее лице был изогнут, точно серп луны. Он ничуть не потерял свой насыщенный цвет, несмотря на то, что с последней встречи прошло больше двух лет. Именно она оказалась одной из тех, кто пришел ко мне во время происшествия у озера Спокойствия. Тeneвая была опытным воином. И, что особенно важно, она была внимательной и наблюдательной.

Агата Бланшар. Я узнала ее имя от наставников, которые инструктировали нас перед походом в Турис. Остальные даэвы-воины были мужчинами, поэтому было несложно догадаться, что именно ей принадлежало это имя.

Ее меч, лежавший на соседнем стуле, напоминал огромный кинжал. Узкое острие становилось все шире к гарде. Оружие было специфичным и на первый взгляд выглядело неудобным. Но не стоило обманываться. Она прекрасно с ним управлялась. Чем больше монстров убивали оружием, тем острее оно становилось, а ее лезвие стало таким острым, что даже ножны страдали, – по краям, у устья, материал оказался слегка распорот.

Тeneвая дэва подняла взор, будто почувствовав мое внимание. Наши взгляды встретились, и меня словно окатило холодной водой.

Сдержанное любопытство. Загадочный блеск в темных глазах.

Она узнала меня. А я невозмутимо отвела взор, но лишь для того, чтобы напоследок взглянуть на Лоуза.

Случившееся пошатнуло мое доверие и заставило задуматься.

«Мелочи, Сара. Вся истина скрыта в мелочах. Кто на кого как посмотрел, что сказал и как поступил. Лишь идиоты терпеливо ждут, когда их корабль пойдет ко дну, вместо того чтобы заделать брешь в корме, – любила повторять Долорес своим скрипучим голосом. – Но тебе не обязательно разбираться в чужих уловках, достаточно научиться *чувствовать* так, как другим не под силу».

Поначалу я понимала далеко не все, что она мне говорила. Скорее всего, возраст был неподходящий. Но, на удивление, даже не понимая, я все запомнила. Возможно, потому, что Долорес любила повторять одно и то же по несколько раз.

Я отвернулась от столиков наставников, заметив, что у выхода из гостиного двора уже собирались группы. В том числе и наша – Люций, лучезарно улыбаясь, о чем-то болтал с Блезом и еще несколькими тeneвыми не из нашей команды.

Стоял, сложив руки на груди и склонив голову. Его черная мантия, перевязанная плетеным кожаным поясом в талии, небрежно распахнулась. На одном из рукавов виднелась вышивка черными нитями, мерцающими, будто отсветы солнца на воде. Крыло ворона. Работа была настолько искусной, что даже издалека можно было разглядеть каждое отдельное перо.

Только наша группа состояла из даэвов обеих сторон. Почему-то многие восприняли это как наказание. Но я была солидарна с Айвен в том, что случившееся может пойти нам на пользу. Ведь на настоящую охоту и правда зачастую отправляются смешанным составом. Читая хроники в библиотеке Академии Снов, я заметила, что именно в таких отрядах смертность была ниже всего.

Главная причина этого – в отличии нашей магии. Без скарда, отслеживающего жертв ревенанта, можно просто потерять след твари. Без сомниума не спасти человека. Эмпат вли-

яет на настроение всей группы, поднимая боевой дух и после успокаивая людей, что потеряли близких. А магия мортема позволяет отвлечь монстра и атаковать на расстоянии. Каждый важен, и каждый нужен.

– Айвен, ты поела? Нам пора... – вернулась я к столику, спасая подругу от допытываний Ирис, пытавшейся выведать сведения.

Лицо Ирис вытянулось, она кинула на меня хмурый взгляд.

– Сара, желаю вам удачи, – неожиданно произнесла она, улыбнувшись своим мыслям.

– Спасибо. И тебе, – сдержанно поблагодарила я.

– Надеюсь, она поможет вам. Моя мама давно не ставила тебя мне в пример, – продолжила девушка. – Слава о твоих успехах распространилась далеко за пределы ордена Сорель. Все же занять первое место по итогам испытания в лагере у озера Спокойствия дорогого стоит. С тех пор я постоянно слышала, что должна усердно учиться, быть такой же прилежной, как ты. К сожалению, в последнее время... – Ее взгляд на миг ускользнул за мою спину. Как раз в этот момент раздался громкий смех, и я прекрасно знала, кому он принадлежал, – она перестала так говорить и писать в своих письмах. – Дэва громко вздохнула: – Беспокойся обо мне. Просит быть осмотрительной и не получать наказаний.

Айвен застыла, взирая на подругу так, будто видела перед собой кого-то другого. Кого-то ужасного. Глаза ее широко распахнулись, а радужки серо-зеленого цвета, казалось, стали гораздо ярче. Нижняя губа задрожала.

За последнюю пару недель я не впервые испытывала на себе чужое осуждение и даже злорадство, как теперь. Но меня действительно удивляло то, что каждый считал своим долгом сказать мне об этом.

– Твоя мама очень любит тебя, Ирис. Этому можно позавидовать. Наверное, она довольна твоими успехами в учебе, поэтому перестала ставить кого-то в пример, – предположила я, глядя сверху вниз на все еще сидящую за столом девушку, по лицу которой пробежала тень. Ее раздражение острым кинжалом кольнуло кожу. – Теперь нам правда пора. До встречи.

Я повернулась, выразительно глядя на Айвен. Нельзя было позволить, чтобы из-за пустых слов вспыхнул конфликт.

Раздумывая над событиями, которыми окрасился завтрак, я покинула гостиный двор. Совсем скоро на улицу вышли и остальные. Отовсюду слышались разговоры и споры – даэвы решали, с чего им начать поиски. Предстояло опросить жителей, собрать слухи и заглянуть к местным стражникам, что поддерживали порядок в городе.

В нашем отряде, состоящем из десяти учеников, споры были недолгими. Все сошлись во мнении, что надо разделить на группы по два-три даэва и в таком составе отправиться на поиски. В итоге получилось еще четыре мини-отряда.

Договорившись встретиться возле гостиного двора после обеда, мы вскоре разошлись. К нам с Айвен присоединился Винсент, и первым делом мы направились в другие подобные заведения, чтобы расспросить путников.

Но затея изначально оказалась обречена на провал. Местные постояльцы сжимались, скупко отвечая на вопросы, словно каждое слово стоило им серебряный или даже золотой, и старались скорее от нас отделаться.

Дошло до того, что один из владельцев заведения отозвал нас в сторону и, упорно пряча взгляд, попросил не пугать его клиентов. Его взор нервно метался из стороны в сторону. В любом ином случае я бы использовала дар, но всем эмпатам, прибывшим в Турис, запретили применять свою силу к людям. Особенно во время добывания информации. Это было сделано не только с целью осложнить задание, заставляя полагаться только на себя, но и из опасения, что молодые даэвы, плохо владеющие силой, навредят кому-то из жителей.

Когда мы вышли на улицу после очередной неудачной попытки что-то узнать, Айвен обреченно вздохнула:

– Так не пойдет. – Повернулась ко мне, бросая взгляд, полный надежды: – Сара, может, мы вдвоем с Винсентом продолжим расспрашивать?

– Хорошо, – после минуты молчания согласилась я. – Я пока схожу в библиотеку. Хочу посмотреть их собрания.

– Да, так будет лучше, – с долей облегчения заявила подруга. Улыбнулась и, схватив Винсента за рукав мантии, поспешила прочь.

Наблюдая за тем, как Айвен спешно удаляется, увлекая робкого дива за собой, я испытывала смешанные чувства.

«Эта тетя меня пугает», – невольно вспомнились слова малышки, сказанные этой ночью.

Оказалось, я пугаю не только детей. Я нахмурилась, чувствуя смутное беспокойство по этому поводу. Развернувшись и вспоминая карту Туриса, направилась вверх по улице к главной площади, на которой и располагалась древняя библиотека.

IV. Сапфировая бусина и принц

*Морозию называют цветком богов.
Ее сок принимает светлое и теневое колдовство.
«Энциклопедия 2-го уровня» Библиотека Академии Снов*

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Дойдя до библиотеки, я несколько секунд рассматривала здание, возвышающееся над площадью. Оно полукругом опоясывало часть площади и венчало ее, будучи самой красивой и величественной постройкой в городе, точно драгоценный камень в кольце. Тяжелые серые колонны поддерживали три каменных купола. На верхушке одного из них обосновалась стая белых голубей.

Они были приручены и доставляли почту, поддерживая связь с соседними городами и столицей Феросии. На север, в Первое королевство, их не отправляли. Так повелось, что для этого использовали лишь особую разновидность воронов.

Минуя группу людей, я вплотную подошла ко входу и поднялась по крутым, местами обсыпавшимся от времени ступенькам.

Высокие, в два моих роста, двустворчатые двери соседствовали с еще одними, спрятанными за колонной. Первые из-за своей тяжести – толстое дерево по краю было покрыто металлическим ободом – предназначались для даэвов, а вторые – для людей. Эта особенность будто намекала на различие в силе между нами.

Войдя внутрь, я попала в зал, в котором уже у входа, на вырубленных прямо в камне полках, стояли старинные фолианты. Раньше мне казалось, что на свете не существует библиотеки, способной превзойти ту, что в Академии Снов. Но, похоже, я ошибалась.

Звуки улицы мгновенно затихли и пропали. И теперь ничто, кроме моих шагов, не тревожило древнюю усыпальницу знаний.

Миновав холл и пройдя через арку, я оказалась в еще большем помещении. Как и в первом зале, серые стены покрывали полки с книгами, но вот центр был полым, точно колодец, уходя в глубину.

Неподалеку, прямо в полу, находилась лестница, что спиралью спускалась на дно, несколько раз опоясывая окружность пропасти. В стене виднелись темнеющие проемы наподобие окон, в которых ближе к поверхности можно было разглядеть ступеньки.

Как и в Академии Снов, под зданием библиотеки раскинулось подземелье. В этом определенно угадывалось влияние ордена Хранителей.

Я подошла к самому краю бездны, вглядываясь в темноту. Веяло холодом, а дно невозможно было разглядеть – его скрывал черный туман. Древняя магия, не иначе.

«Что скрыто на дне?» – невольно задалась я вопросом.

Тьма клубилась, бурлила, а в следующий миг замирала. И это выглядело неестественно и опасно. Она была словно хищник перед прыжком.

А еще это завораживало.

Продолжая смотреть на туман, я напряглась – ко мне кто-то подкрался, воспользовавшись тем, что я отвлеклась. Он стоял прямо за спиной. Я чувствовала чужое дыхание на своей

шее и запах мяты – свежий и сладкий одновременно. Мой отец не любил аромат лаванды, но вот мяту обожал, выращивая ее возле дома.

Неожиданно было вспомнить об этом в такой вот момент.

Сердце подпрыгнуло и успокоилось, забившись в ровном ритме.

Невозможно было не узнать эмоции, что были подобны игристому вину.

– Отойди, – шепотом попросила я и сухо заметила: – Что, если бы, оступившись, я упала?

Медленно повернулась, четко отслеживая расстояние от моей обуви до пропасти – всего пара сантиметров. Ничтожно мало.

– Сара, ты думаешь, я бы позволил тебе упасть? – спросил Моран, направляя на меня открытый и спокойный взгляд. – Ты правда так считаешь?

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга – огонь и холод. Мне правда казалось, что в своих подтруниваниях Люций порою заходил слишком далеко. Но в то же время я отчетливо понимала, что нет. Не позволил бы.

На губах дива появилась простодушная улыбка.

– Не воспринимай все слишком серьезно. – Его ладонь на секунду коснулась моего плеча. – Идем. Нам надо найти библиотекаря.

Люций направился в глубину зала. Его взгляд блуждал по стенам, словно изучая каждый кусочек пространства, а потом поднялся к потолку, где виднелись своды купола из серого камня.

– Сюда, – тихо произнесла я, направляясь к арочному проходу, который скрывал залитый светом зал из белого мрамора. Солнце проникало в помещение сквозь обширный участок стеклянной крыши.

Теневой и светлый залы... Все было так очевидно.

Именно здесь мы отыскали смотрителя – мужчину средних лет в сером пиджаке и штанах. На носу у него было повидавшее виды пенсне с надколотым стеклышком, что крепилось за цепочку к кармашку. Он сидел за столом, прямо под солнечными лучами, и покачивал головой, будто в такт неслышимой музыке. Кончик его пера порхал над бумагой.

Заметив нас, библиотекарь стукнулся коленями о крышку стола, заставив тот сотрястись и едва не опрокинув чернильницу. А потом, оставив все, кинулся к нам.

– Извините, заработался. Обновляем архивные записи. Чем могу вам помочь? – на ходу выпалил он, суетясь и между тем внимательно разглядывая нас.

Его нервозность выдавали руки – он растирал ладонь пальцами. Быстро, с силой ее сжимая.

Поздоровавшись, мы спросили о старинных трудах ордена Хранителей.

– У нас много трудов посвящено им, но большинство на древнем языке, – ответил мужчина, понемногу приходя в себя. Заметив мой взгляд, он опустил руки, в неестественно напряженной позе вытянув их вдоль туловища.

– Нас это не смущает, – идя в глубину светлого зала, вмешался Люций.

Он выглядел задумчивым и непривычно серьезным. Дива что-то беспокоило и требовало всего внимания юноши. Черная мантия посреди белого великолепия походила на разлитые чернила на снегу. А волосы мерцали серебром, являясь прямым свидетельством магии в крови дива.

– Я вас понял. Идемте, – пробормотал мужчина, направляясь к неприметным дверям.

Библиотека Туриса была правда слишком большой. Даже удивительно, что подобное место существовало вдали от главных обителей орденов. Оно сохранилось, находясь в людском городе.

Комната, в которую нас привели, выглядела гораздо скромнее, чем главные залы, – тесная, заставленная шкафами, и со стенами, обшитыми темной древесиной. Пыль вперемешку с ароматом лаванды, чьи подсохшие веточки стояли в вазах из аквамаринового стекла, говорили

о том, что помещение давно не проветривали. Было душно. Даже светлые занавески на окнах выглядели серыми. Казалось, прикоснешься – и замараешь руки.

– Это здесь. Можете осмотреться, – произнес мужчина, останавливаясь у порога.

– Вы выдадите книги? – повернувшись к смотрителю, поинтересовался Люций.

– Эм-м, нет. Больше нет. – Библиотекарь опустил взгляд. – Но мы круглосуточно открыты. И порою принимаем путешественников, которые приезжают, чтобы изучить наши собрания.

– К сожалению, у нас не так много времени, – покачал головой Моран, всем своим видом выражая досаду.

Смотритель бессильно развел руками.

Я направилась к полкам, внимательным взглядом скользя по корешкам. Все труды, как и говорил библиотекарь, были на фларканском. Древние символы на переплетах поистерлись, но так глубоко въелись в кожу, что окончательно сделать их нечитаемыми мог разве что огонь. Взяв один из фолиантов, я почувствовала пыль на пальцах – она и правда была здесь повсюду.

Ценные труды хранились без должного ухода, и это огорчало.

– Вы оставите нас? – спросил див за моей спиной.

– А-а-а? – невпопад отозвался мужчина. Наверное, он о чем-то задумался.

– Мы хотели бы заняться своими поисками в одиночестве. Так легче сосредоточиться, – пояснил Люций.

Смотритель согласился, и вскоре послышался звук закрываемой двери, сопровождающийся тихим скрипом давно не смазанных петель. Но повисшее молчание не продлилось долго. И вопреки заведенному обычаю, нарушила его я.

– Я здесь бесполезна, – негромко произнесла я, поворачиваясь и протягивая труд приблизившемуся Морану. – О чем она?

Страницы фолианта оказались лилового оттенка – при создании бумаги наверняка использовали какой-то краситель. Именно эта особенность и привлекла мое внимание, заставив взять книгу в руки.

Люций мельком глянул на переплет и вдруг иронично усмехнулся:

– О вине. – Заметив на моем лице недоверие, он принял книгу и, пролистывая, добавил: – Здесь правда всего лишь рецепты вина. Хотя описание весьма любопытное... – Его голос прозвучал заинтересованно. – Ты же любишь вино?

– Немного.

– Я не сомневался. Все даэвы любят вино. – Он задумчиво отложил книгу на подоконник, не спеша возвращать на полку.

Мы приступили к поискам. Я бродила между книжных шкафов, рассматривая корешки книг и иногда доставая их и пролистывая. Моран изучал полки с трудами куда более внимательно. Его губы шевелились, беззвучно переводя древний текст.

Уютная тишина нарушалась лишь звуком наших шагов и шорохом страниц.

Так минул почти час.

Возвращая очередную книгу на свое место, я на мгновение застыла, увидев лицо Морана между полками. Он глядел на меня. В глазах, подобных грозovým облакам, словно мелькали молнии. Див будто что-то задумал, и его внимание не обещало ничего хорошего.

– Что ты так упорно ищешь?

Я односложно сказала:

– Рассматриваю знаки.

Взгляд Люция стал хитрее.

– Ты уверена, что просто рассматриваешь знаки?

Я нахмурилась, потом опустила взор, не спеша отвечать. Люций было повернулся, собираясь возвратиться к изучению текстов, когда его остановил звук моего голоса:

– Я хочу его изучить. Изучить фларканский язык. Подумала, может, я найду здесь словарь. Или какие-то средства к расшифровке значения символов. – Подняв взгляд, я вдруг столкнулась с очередной широкой улыбкой дива.

«Он догадался. Но ждал, когда я сама признаюсь...» – Уловки Морана вызвали досаду.

– Забудь, – процедила я, возвращая взор к корешкам книг.

– Я могу научить, – прозвучало внезапно.

Мне показалось, что я ослышалась. Подобными знаниями не делятся даже в пределах одного ордена. Лишь внутри семьи. Но Моран вдруг так просто предложил меня научить.

Шутка? Новый способ меня поддеть? Ложь?

Я растерялась.

А Моран обогнул стеллаж, снял книгу с полки, раскрыл ее и пробежался взглядом по страницам.

– Смотри. – Его изящный палец ткнул куда-то в центр страницы. – Видишь символ? Это означает меч. А вот это вера. Они похожи, верно? Разница лишь в этой черточке.

Я перевела взгляд со страниц на лицо дива. Несмотря на то что я чувствовала его эмоции, меня все еще одолевали сомнения.

– Не доверяешь мне? – разгадав эмоции на моем лице, спросил Люций.

– Доверяю, – не задумываясь, откликнулась я. – Но все равно ищу подвох.

– Я правда предлагаю научить. Взамен на обещание.

– Какое?

– Сохранить знания в тайне и больше никому не передавать.

– Всего лишь обещание? Обещания нередко нарушают. Это только слова.

Мой ответ почему-то позабавил дива; усмехнувшись, он заявил:

– Для всех вокруг, кроме тебя.

Я молчала, не зная, что сказать.

– Я ничем не отличаюсь от других, – пробормотала я и отчего-то спросила: – Как насчет тебя?

– Сдерживаю ли я свои обещания?

– Да.

Взгляд скользнул к его оголенному запястью – рукав мантии задрался, обнажая бледную кожу.

Моран проследил за моим взором.

– Хочешь прикоснуться? – вновь будто прочитал он мои мысли. – Хочешь получить доказательство? Что ж, тогда, Сара Сорель, усложним задачу... – Он вытянул ладонь, касаясь моего лба указательным пальцем.

Это было несколько неожиданно и глупо. И я хотела было скинуть его ладонь, когда Моран вдруг признался:

– Нет. Моим обещаниям не стоит верить. – Голос звучал предельно серьезно и убедительно. – Именно так я говорю всем вокруг, – улыбнувшись и опустив руку, легким тоном продолжил он. Повернулся и взял новый фолиант.

Я громко сглотнула, все еще ощущая поток чужих эмоций, потом спросила:

– Зачем? – Покачала головой: – Я не понимаю, почему ты врешь?

Моран хмыкнул:

– Чтобы не слишком расслаблялись, – пожал он плечами. – К тому же забавно видеть лица других, когда они слышат это. Сразу становятся такими серьезными...

– Нелепость, – пробормотала я.

– Но ты же улыбнулась, – поддел Люций, а улыбка, которую я не замечала, пока он не сказал, слетела с моих губ. Моран рассмеялся. Повернувшись ко мне лицом и опершись плечом о тяжелый стеллаж, он вдруг весело предложил: – Давай так. Пусть это будет нашим секретом!

– Секретом? – озадаченно переспросила я.

– Да. Если я попытаюсь при других убедить тебя в своей лжи и ненадежности, это будет означать совершенно противоположное, – заявил он. – Например, заявление, что моим обещаниям не стоит верить, станет клятвой о том, что ты можешь вверить мне даже свою жизнь.

– Еще одна нелепость, – прошептала, в то же время не ощущая ни злости, ни раздражения.

– Это предусмотрительность. Жизнь длинная, и ты не знаешь, как сложатся обстоятельства.

– Моя бабушка так говорит: жизнь длинная, все может пригодиться, – рассеянно пробормотала я. – Мне кажется, если собрать все ее слова, то получится сборник афоризмов.

– Бабушка твоего брата?

– Да. – В горле пересохло, я вспомнила о том, что прямо сейчас Долорес вновь прикована к постели. – Но она мне как родная. Вырастила.

Моран некоторое время молчал. Точно и правда мог читать мои мысли и все понимать.

– Но, так или иначе, иметь способ донести то, что другие не поймут, может быть очень важно, – разряжая атмосферу, легким тоном продолжил он. – Мои обещания ничего не стоят... Запомни эту фразу, Сара. Если вдруг когда-то мы окажемся по разные стороны и ты засомневаешься в моих намерениях, услышав это, ты все поймешь. И вновь поверишь мне.

Он был серьезен и искренен, а эмоции светлы, как крылья бабочек-глашатаев, что так часто подлетали ко мне. Встретить такие чувства – настоящая удача, как найти морозию.

Договорив, Моран как ни в чем не бывало пошел вдоль полок, собираясь продолжить поиски. Я же неотрывно смотрела ему в спину, понимая, что мое доверие к этому диву стало лишь крепче.

Наши поиски продлились еще около часа, за который я случайно наткнулась в одной из книг на план библиотеки. Тонкие чернильные линии занимали оба листа, показывая, что помимо комнаты, в которой мы находились, было еще много таких же. Библиотека даже уходила под землю, сливаясь с лабиринтом пещер под нашими ногами.

Очередное совпадение с Академией Снов. Подземные ходы имелись в обеих библиотеках, простираясь на многие мили в разные стороны.

Я впервые подумала о том, что никогда не видела плана этих тоннелей. Ни в одной из многочисленных просмотренных мною книг. Возможно ли, что оба места, созданные орденом Хранителей, соединены между собой?

– Сара... – позвал меня Люций, отвлекая от мыслей.

– Что-то нашел? – Я вскинула голову, обратив взор на дива. Книга с планом так и осталась зажата в моих руках.

– Не совсем. Лишь одну интересную деталь. Но одно и то же попало уже трижды. Может, это мелочь, а может, и нет, – поведал он, подходя ближе. – Считается, что орден Хранителей назывался так, потому что хранил равновесие в Дэвлате, следил за порядком среди светлых и темных, состоя из тех и других. Они были судьями и распорядителями. Но в нескольких книгах используются разные значения слова «хранить». В одном случае хранить что-то нематериальное, метафорическое, но вот в другом – хранить и охранять какой-то предмет.

– Предмет?

– Да. Как думаешь, каков шанс, что они допустили такую грубую ошибку? Фларканский был их языком. В свое время они лучше всех его знали.

– Маловероятно...

– И я о том же, – удовлетворенно произнес он, резко подняв глаза на меня, когда я серьезным тоном добавила:

– Но не исключено.

Люций усмехнулся и вернул книгу на пустую полку.

– Больше нет ничего, что стоит внимания.

– Тогда нам лучше пойти. Можно вернуться позже, – предложила я, посмотрев на входную дверь. Не стоило забывать основную причину, по которой мы прибыли в город. Нельзя было так долго отлынивать от порученного задания.

Моран согласился со мной, и мы покинули архив. Стоило выйти из хранилища, мой взгляд притянула дверь в конце коридора. На найденном плане библиотеки она была помечена тем же символом, что и та, в которой мы просматривали книги.

– Подожди, – бросила я Морану, который уже намеревался уходить.

Повернувшись, направилась к темневшей двери. Прямо на ее поверхности была вырезана картина – журавли с распростертыми крыльями, поднимающиеся ввысь. Как змею ассоциируют с темным богом, так журавлей – со светлой богиней. Но на самом деле у Великой Эмиры было много символов, как и обликов. Из-за этого люди зачастую называли ее просто Многоликой. Бабочек-глашатаев нередко изображали на полотнах рядом с ней.

Я просто смотрела на дверь, не решаясь войти внутрь без разрешения библиотекаря. И уже собиралась отойти и вернуться в светлый зал, когда вдруг почувствовала эмоции, всколыхнувшиеся прямо по ту сторону стены.

Настороженность. Вздораженность. Суета.

Кто бы это ни был, он понял, что мы стоим снаружи. И этот факт его отнюдь не порадовал.

Схватившись за ручку, я дернула ее на себя с такой силой, что послышался жалобный скрип дерева, – комната была заперта. Следом раздался глухой шум, будто что-то уронили.

– Посторонись, – услышала я и, обернувшись, сразу отошла. Моран, вытащив из мантии кусочек бумаги, вспорол свой палец и, в несколько молниеносных движений нарисовав древний символ, прикрепил лист к двери и активировал кровавую печать.

Две силы столкнулись – дверь по ту сторону тоже оказалась заперта магией. Колдовство вспыхнуло. Холод и жар коснулись лица. И все затихло, дверь сама приоткрылась, будто приглашая войти.

Мы ворвались внутрь, едва не застряв вдвоем в проходе. Переглянулись. Люций усмехнулся.

В комнате с двумя рядами книжных стеллажей, разделенными столом, что расположился в центре помещения, гулял свежий воздух – створки высокого арочного окна были распахнуты, а тонкие старые тюлевые занавески трепыхались снаружи.

Зал был пустым. Внутри никого не оказалось.

Сбежал...

Я стремительно прошла к окну и выглянула наружу. Прямо напротив было окно соседнего здания – жилища аристократа, который поддерживал порядок в городе. Пустой проулок между домами уходил на главную площадь, уже полностью заполненную людьми, пришедшими на празднество.

– Быстрый какой, – недовольно бросил Люций, высовываясь из окна вслед за мной.

Я кивнула, прикрывая глаза и пытаясь дотянуться до эмоций сбежавшего. Но это оказалось бесполезно – слишком много людей вокруг, и каждый испытывал целую гамму эмоций. Незвестный затерялся, словно капля в море.

Моран вновь что-то колдовал у двери – должно быть, пробовал отыскать следы чужой печати.

Я шагнула к книжному шкафу, полка которого была потревожена – корешки стояли неровно. Их пытались выставить в ряд, но, если приглядеться, различие было заметно.

Что-то хрустнуло на полу. Я остановилась, поднимая ногу, – под подошвой лежала небесного цвета бусина. Сапфировая. Подняв и зажав между пальцами, я внимательно рассмотрела ее – светлые и темные прожилки испещряли камень.

Бусина оказалась слишком большой, чтобы использовать в украшении одеяния.

Кажется, я уже ее видела...

Цвет камня говорил об уникальности изделия.

– Ничего не оставил, – поморщившись, процедил Моран. – Неудивительно, что он смог так подставить меня в Академии, – с восхищением продолжил он, вспоминая то, как совсем недавно его чуть не обвинили в разрушении статуй в Академии. Отслеживающую печать Люция изменили, придав ей иное свойство, поэтому даже никто из наставников не заподозрил подвоха.

– Что это у тебя?

– Было на полу, – ответила я, вновь обратив внимание на бусину. Свет играл внутри нее, словно поселив огонь в самой глубине камня. Скоро Моран, обогнув стол, подошел со стороны окна, заслонив собою свет. На мою ладонь легла тень, и пламя внутри бусины погасло. А когда див склонился, солнечные лучи заиграли уже в его волосах.

– Хм, – неопределенно выдал он. – Все же что-то он оставил... – И, внезапно подняв взгляд, спросил: – Ты ее раньше не видела?

– Не знаю, – бросила я, отодвигаясь. – Кажется знакомой, но не уверена. – И посмотрела в окно, стараясь глядеть куда угодно, лишь бы не на Люция.

– Значит, вспомнишь. Пусть будет у тебя, – уверенно заявил он.

Совсем скоро я расслышала шелест страниц – див просматривал книги, что неровно стояли на полках.

Когда Люций почти закончил свои изыскания, дверь в архив открылась, являя недовольного зрителя библиотеки. Который сразу же кинулся нас отчитывать, пусть и делал это весьма осторожно.

– Здесь кто-то был. Мы бы не стали проникать в закрытую комнату без веской на то причины. Так вышло, – сказал Люций.

– Кто-то был? – обеспокоенно встрепнулся мужчина. Его взгляд заметался по комнате.

– Да. Вы не знали? – заинтересовался див.

– Нет, конечно, – отозвался зритель. – Но в последние годы нам пришлось усилить охрану. В прежние времена у нас постоянно воровали книги. Собрание огромно, тяжело уследить за всем. Мы нашли несколько экземпляров на рынке в другом городе. Теперь, похоже, и днем надо будет стражу выставлять. Ничего люди не страшатся, лишь бы денег заработать! Даже перспектива стать ночной тварью их не пугает, на удачу полагаются. Думают, что с ними этого не случится, – причитал мужчина. – Но знаете, что странно? Все кражи происходили на выходных. Видимо, весьма занятые воры нас посещали, – посмеялся библиотекарь и уже поделовому добавил: – Теперь вам пора. Мне надо сообщить о происшествии главному зрителю. Пойдемте, провожу вас.

Мы покинули комнату, следуя обратно тем же путем, которым пришли. Люций тем временем расспрашивал библиотекаря, интересуясь, почему нам показали только один зал с книгами.

– Я не могу читать на древнем языке. Вы просили труды ордена Хранителей. И я отвел вас к тем трудам, которые предположительно относятся к ним.

«Предположительно» стало ключевым.

– Господин, другие книги на фларканском... насколько их много? – впервые заговорила я – до этого Моран вполне справлялся с задачей болтать за двоих.

Остановившись у дверей, ведущих из библиотеки на главную площадь, мужчина произнес:

– Несколько залов. Трудно сказать. Большая часть нашего собрания создана на древнем языке. Все остальное мало-мальски важное давно покинуло эти стены, а тех, кто способен прочитать книги Хранителей, осталось слишком мало, поэтому они до сих пор здесь.

Все равно что искать иголку в стоге сена...

Чтобы пересмотреть все залы, понадобится не один день.

Попрощавшись, мы вышли наружу. Спустились по ступенькам и отправились вверх по ближайшей улице. Вела я, выбирая путь и основываясь лишь на пустынности улиц, а Люций увязался следом.

Мы шли уже несколько минут, когда Моран, закинув руки на затылок и сплетя пальцы в замок, удовлетворенно протянул:

– Ну, по крайней мере, мы не ушли с пустыми руками. Будет с чем начать занятия.

– О чем ты? – едва повернув голову, спросила я.

Моран, опустив руки, невозмутимо вытащил из складок мантии книгу. Обтянутый истершейся коричневой кожей фолиант с лиловыми листьями, что выглядели особенно яркими в солнечных лучах. Книга с рецептами вина из архива.

Я резко остановилась.

– Ты украл книгу, – охрипшим голосом произнесла я. С укором взглянула на Люция, потом на талмуд.

– Не украл, а одолжил.

– Надо ее вернуть, – упрямо сказала я, хватая дива за запястье и утягивая за собой.

– Сара, помнишь, что сказал смотритель? Ордена уже растащили большую часть. А я правда всего лишь одолжил. – Извернувшись в невероятном пируэте, Моран оказался впереди меня. И серьезно добавил: – Обещаю, верну. Нам нужно было то, что тебе интересно будет переводить. Когда отец обучал меня фларканскому, он поступил точно так же.

Я с укором покачала головой. Пробормотала, отпуская его руку:

– Обманщик. Думаешь, я не понимаю, что тебе тоже интересны эти рецепты?

Люций вздумал обмануть эмпата, что касался его кожи. Глупое занятие. И он прекрасно это знал.

– Ну, одно другому не мешает, – нашелся юноша с победной улыбкой. – А эта книжка довольно проста, в самый раз для начала обучения.

Я косо взглянула на него, в данный момент сомневаясь, что он вообще сможет меня чему-то научить.

Но чем больше я хмурилась, тем сильнее он усмехался.

Развернувшись, я пошла дальше, а спустя несколько секунд спросила:

– На какой книге стал обучать тебя отец?

– Мы начали с описания печатей. Их элементов.

– Это сложно. Сколько лет тебе было?

– Не помню точно. Семь или восемь, – пожал див плечами, заставляя меня приложить все усилия, чтобы скрыть удивление.

Мы отошли совсем недалеко от площади, когда послышался переливистый звук колокольчиков. Тонкое, неповторимое звучание, сливающееся в чудесную мелодию.

Многие аристократы венчали колокольчиками свои кареты, но звон всегда отличался в зависимости от качества изделия и выбранного металла. Эти же были из светлой стали, той самой, из которой изготавливали мечи даэвов.

Великая растрата – использовать столь благородный металл для подобных целей. Но высшая аристократия и королевская семья Исонии так не считали.

Экипаж достиг нас и не проехал дальше. Пара высоких вороных лошадей остановилась, отбивая копытами искры на брусчатке. Паладины в красно-золотой форме, с мечами из обычной серой стали окружали карету на таких же темных лошадях.

– Твои знакомые?

Я вздохнула, проигнорировав вопрос.

– Люций, пожалуйста, забудь про свои шуточки.

– А что, если нет?

– Я свяжу тебя и заткну рот, – холодно сообщила о своих возможных намерениях. Брови Люция приподнялись. Он сложил руки на груди.

– Какие-то неправильные угрозы ты выбираешь, – заметил он. – Но я все понял.

Герб на дверце кареты развеивал последние сомнения – внутри находился представитель королевской семьи Исонии. Все потомки Исора имели ярко-рыжие волосы, россыпь веснушек и глаза-изумруды. Порою некоторых из них можно было спутать с даэвами, особенно на праздниках – в столице существовала мода наряжаться в нашу одежду. Мантии, сшитые на вольный манер, вышивка без смысла. Многие воины считали подобную традицию оскорблением и насмешкой. Но король Третьего королевства имел иное мнение на сей счет.

Дверца распахнулась, являя кудрявого юношу в красных одеждах с накидкой, выполненной из переливающихся малахитовыми оттенками многочисленных чешуек. Кожа морского чудовища. Много лет назад правитель Феросии в знак дружбы подарил огромный отрез этого материала соседям.

Чешуйки хранили в себе отголоски древней магии – краснели, когда рядом появлялась нечисть, ограждали владельца от энергии Серого мира и впитывали в себя распыленные яды, которые могли испускать некоторые отравленные растения. В народе ходили слухи, что королевская семья порою даже спала, обернувшись в свои мантии, именно поэтому никто из них за последние несколько веков не становился монстром.

Но колдовская чешуя была лишь частью защиты – королевские палаты постоянно охраняла магия даэвов, специальные стены из гранита несколько раз в месяц покрывались новыми печатями. Отчего не только правящее семейство могло не беспокоиться о своей безопасности, но и все слуги и стражники, работающие на территории дворца.

Принц Адриан вышел на свет, лучи яркого солнца запутались в его волосах. Третий претендент на престол и третий из четырех отпрысков нынешнего правителя. Единственной дочери короля, маленькой принцессе, едва исполнилось два года, и в честь ее первого дня рождения мы посещали празднование во дворце.

Именно тогда я впервые увидела королевскую семью.

– Сара Сорель. – Он улыбнулся и неожиданно поклонился, я склонила голову в ответ. Распрямляясь, столкнулась с ним взглядом. Я почти не уступала ему в росте – юноша был лишь на два года старше. Но совсем скоро эта разница сотрется, и, когда принц начнет стареть, я все еще буду молода. Больше всего на свете люди завидовали именно этому – нашему долголетию. – Какая неожиданность встретить вас здесь.

– Да. Могу то же самое сказать и о вас.

– Видимо, это судьба.

– К сожалению, я не верю в судьбу, ваше высочество.

– А в богов верите? – спросил Адриан, уверенный, что я отвечу утвердительно.

– Скорее нет, чем да. – Вопрос был провокационным. Порою люди слишком ревностно относятся к своей вере, но принц лишь рассмеялся, спросив:

– Тогда во что вы верите, позвольте узнать?

– В себя и... – Взор невольно скользнул к Морану, что безмолвно стоял с абсолютно равнодушным видом. – И в тех, кто меня окружает.

Принц воспринял ответ благосклонно:

– Согласен с вами. На самом деле я тоже не верю в богов. Все-таки не они ведут многовековую войну и не спят по ночам, – задумчиво протянул он и быстро продолжил: – Я буду рад, если вы согласитесь выпить со мной чашечку чая. В честь случайной встречи.

– К сожалению, у нас задание от Академии.

– Слышал-слышал, где-то в округе бродит тварь, – отмахнулся Адриан. – Но думаю, ваши путники обойдутся без вас часок. Ну же, пойдите мне навстречу. Иначе я сочту это личным оскорблением. – Принц сделал вид, что пошутил.

– Хорошо, – спустя несколько секунд молчания выдавила я.

– Ваше высочество, – Люций привлек к себе внимание и склонился в глубоком, но небрежном поклоне. Несмотря на полное исполнение церемониала, я явственно ощутила его насмешку и некоторую долю презрения. – Наставники поделили нас, поэтому я вынужден пойти с вами, дабы не получить наказание.

Адриан задумчиво уставился на дива:

– Будь по-вашему. Мы еще не знакомы...

– Люций, ваше высочество Адриан.

– Люций... – Он оглядел дива снизу вверх. – Что ж, рад знакомству.

Принц отвернулся. А на губах Морана расцвела снисходительная улыбка.

V. Лук и стрелы

Первый раскол защищен не только куполом, но и ограждающими скалами, в которых таится руда магического металла – светлого и теневого.

*Ее сильная аура способна сдерживать энергию Серого мира, именно поэтому изделия из магического металла так ценятся даже людьми.
«Энциклопедия 2-го уровня» Библиотека Академии Снов*

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Карета остановилась в центре площади, у высокого помпезного строения с башенками. Серый камень с темными прожилками выглядел таким же древним, как и высившееся над городом здание библиотеки, которую мы покинули лишь полчаса назад.

Всю дорогу мы ехали в молчании, Люций с блуждающей улыбкой смотрел в окно. Принц, закинув ногу на ногу, неприкрыто изучал нас. Таким же он был на приеме во дворце год назад. Адриан мало интересовался делами королевства, в основном путешествуя по материку, и из всех членов высочайшей семьи показался самым противоречивым.

Короли Исонии уже давно воспринимали даэвов как часть своей армии. Армии, что просто борется на другом фронте.

Мы вошли в гостиницу, разительным образом отличающуюся от той, в которой остановились даэвы. Здесь чувствовалась история. Возможно, это была одна из первых построек города, наравне с библиотекой. Почти весь первый этаж занимал ресторан, стены которого украшали золотые листья и лозы. Среди золотых растений кружили серебристо-голубые бабочки-глашатаи, от чьих крыльев разлетались искры из полупрозрачных кристаллов.

– Присаживайтесь, – обратился принц ко мне, показывая на место напротив. Он оставил паладинов позади, заняв одно из кресел. Сел, закинув ногу на ногу и раскинув руки на подлокотники.

Напротив Адриана находилось еще одно кресло. На этом места заканчивались.

Но Моран не смутился, без лишних слов нашел еще одно на другом конце зала и поставил его, пододвинув вплотную к первому креслу, так что между подлокотниками не осталось расстояния.

Я села, уложив меч на колени. Туманный напомнил мне о нашей с Адрианом первой встрече. В день празднования дня рождения принцессы стражей вынудили оставить свое оружие за пределами дворца. Ослушаться я не могла. Но все часы приема не могла найти себе места, нарезая круги по залу, то выходя на балкон, то возвращаясь обратно.

Принц со своей свитой – тоже отпрысками аристократов – как раз обосновался на одном из балконов. Они развлекались. Так, как прожигают время богатые и беззаботные люди: выпивали и играли в карты, которые являли собой тонкие пластины чистого золота с выгравированными картинами. Золото сверкало в свете подсвечников, где вместо свечей использовались сферы с соком глимы. Он, словно жидкий огонь, переливался всеми оттенками заходящего солнца.

Я сразу ушла, не желая связываться с разбалованным принцем. Уже тогда я знала, что Адриан много путешествовал и редко удостаивал дворец своим присутствием. Король махнул на него рукой, готовя к наследованию самого старшего сына.

Вторая встреча с Адрианом произошла через час после первой – один из советников короля за локоть привел его к даэвам и представил.

Но после того как мы едва обмолвились парой фраз – собеседница для сына короля из меня неважная, – в обитель каждый месяц стали прибывать подарки. Сначала одежда, потом украшения – все это отправилось в общее хранилище. Лишь однажды я не сдержалась и взяла себе кинжал, что был сотворен из сплавов двух металлов – светлого и теневого. Вещица была редкой, обычно сталь отвергала одна другую и портилась, поэтому мастера не экспериментировали, дабы не губить магический металл.

После этого подарки сменились – разное оружие заполонило хранилище ордена.

Внимание принца досаждало. Фредерик смотрел на подарки с недовольством, в какой-то момент я вообще перестала видеть все эти презенты – брат разбирался с ними без меня. А Долорес лишь посмеивалась, говоря, что благосклонность королевской семьи никогда не будет лишней. Но стоит быть осторожнее, чтобы этот огонь не разгорелся и не стал испепеляющим пожаром.

– Вы так любите оружие, – заметил Адриан, посмотрев на мои ладони, лежащие на ножнах.

– Не каждое. Только то, у которого есть... душа, – произнесла я.

Некоторая сталь хранила историю, вбирая в себя эмоции прежнего владельца или мастера. Тот единственный кинжал, что я взяла себе, был не только редким, но и впитал в себя любовь человека, сотворившего его. Он вложил частичку себя, когда изготавливал клинок. Это дорогого стоило.

– Душа? – удивился его высочество. – Я слышал, что даэвы устанавливают связь со своими мечами. И никто, кроме них, не может к ним прикоснуться.

– Прикоснуться можно, но не поднять. Хотя если клинку вы не понравитесь, то и в самом деле можете пострадать. Особенно это касается теневого оружия.

– В самом деле? Нет никаких исключений? – поинтересовался принц, вскидывая бровь вверх.

Я задумалась.

– Вообще-то есть...

– Зависит от чувств владельца оружия к вам. Если он вас ненавидит, то готовьтесь остаться без руки, если доверяет, то меч, может, даже позволит себя поднять. Но безоговорочное доверие встречается крайне редко, ваше высочество, – небрежно поведаль Моран, наклоняясь за чашкой с дымящимся чаем, только что принесенным работником заведения.

– Поистине чудеса, – восхитился Адриан. Любопытство вновь вспыхнуло в его взгляде.

– Вы интересуетесь нами? Даэвами? – спросил Люций с полуулыбкой.

– Скорее восхищаюсь. Правда, не всеми.

Принц отпил чаю, пряча ответную улыбку за чашкой и опуская взгляд. Почти сразу он отставил чашку в сторону и махнул рукой – изящно и расслабленно. Один из паладинов приблизился, поднося темно-синюю вытянутую коробку размером с две ладони. Положил на стол. А его высочество придвинул ее ко мне.

Я взяла, снимая крышку.

Кинжал. Внутри на бархатной подушке лежал точно такой же, что остался в обители.

– Тяжело было его достать. Мастер уже умер. И, что самое главное, он был с Сент-Морьена. Это часть его личной коллекции, семья распродала ее сразу после его смерти, – произнес Адриан.

– В Сент-Морьене живут настолько умелые мастера в обработке магического металла... – слегка удивилась я, вспомнив одну из историй о тех землях, которую слышала от отца, – будто на острове построена величественная стена, состоящая не только из камня, но и из магического металла. По его рассказам, эта преграда была подобна колдовскому щиту, что одной лишь своей аурой не позволял остаткам энергии Серого мира в Дэвлате проникнуть в глубь острова. Но, вступив в орден, я осознала, что это было не более чем детской сказкой. В нашем мире слишком мало магической руды, чтобы использовать ее при строительстве стен. Самые богатые залежи находились в Ограждающих скалах, окружающих портал в океане. Именно из-за близости к расколу добыча руды всегда была крайне опасным делом.

– Да, Сент-Морьен может удивить. На их территории нет обители даэвов, там проживает лишь горстка отступников, которые лишены знаний вашего народа, что ордена копили веками. И ведь люди до сих пор живы. Неудивительно, что среди торговцев популярны всякие небылицы о тех землях, – воодушевленно заметил принц.

Я кивнула, завороченно глядя на сталь. Протянула ладонь, касаясь пальцами оружия, готовая ощутить прилив той же любви... И сразу же отдернула руку, с сожалением глядя на лезвие.

– Что-то не так?

– Им уже убивали. И убили человека, – ответил вместо меня Люций.

– Да? Печально, – покачал головой принц. – Но назад подарок я не приму. Пусть останется у вас, так я буду уверен, что его точно не используют во зло.

– Хорошо. Возможно, так будет правильно, – подумав, согласилась я. Мне было жаль кинжал и мастера, который создавал свое сокровище вовсе не для того, чтобы его опорочили убийством во имя наживы. Лучше оставить его у себя, пока его не осквернила энергия Серого мира и он не стал отнимать чужие жизни. – Благодарю.

– Это лишь маленький подарок. Не стоит.

– Вы по каким-то делам в Турисе?

– Нет, что вы. Я просто путешествую.

– Видимо, у вас много времени?

Моран сидел, сложив руки на груди. Принц бросил на него беглый, немного раздраженный взгляд.

– Можно и так сказать.

– Прекрасно. К сожалению, мы с Сарой не можем подобным похвастаться. Даже жаль. Вам можно позавидовать, – сказал Люций шутивным тоном.

Я укоряюще взглянула на него – не стоило так разговаривать с принцем.

– Да, жизнь даэвов отличается. Особенно светлых. Слышал, вам запрещено лгать, повышать голос и даже плакать на глазах у других.

– Слезы показывают слабость, – отозвалась я. – Это негласное правило.

– По мне, это жестоко. Мы не всегда можем контролировать свои чувства. Разве у даэвов не бывает минут печали?

– Печаль и тоска свойственны всем. И я тоже считаю, что это не то, чего следует стыдиться, – задумчиво отозвался Моран, размешивая сахар в чашке.

Почти минуту мы провели в молчании. Я вновь вспомнила завтрак и злорадство Ирис из ордена Вечной зелени. Суть правила – оставаться сильным всегда. Чтобы такие, как дэва, не пытались на тебя напасть.

– Я буду в Турисе еще пару дней и надеюсь снова увидеться с вами, Сара, – нарушил Адриан тишину. – Приглашаю вас вновь на чай, когда охота завершится.

– После выполнения задания нам надо будет вернуться в Академию, – ответила я.

Принца мои слова ничуть не огорчили. Возможно, он ожидал, что я отвечу именно так.

Когда время чаепития подошло к концу, мы спешно попрощались.

Выйдя на улицу, я глубоко вдохнула, ощущая облегчение. Свежий воздух наполнил легкие. На главной площади толпились люди, за время нашего пребывания в ресторане здесь появились прилавки, за которыми проводились разные игры, веселящие народ.

Зазывалы привлекали прохожих, обещая призы. Над головой летали воздушные змеи, два из которых уже успели зацепиться за высокие громоотводы, торчавшие на крышах домов.

Повсюду витал аромат лаванды. В центре площади цвело вишневое дерево, возле которого собралось особенно много зевак.

– Принц интересный малый, – вдруг услышала я.

– Что? – Обернулась, столкнувшись взглядом с Люцием, который склонил голову, внимательно меня рассматривая.

– Ничего не почувствовала?

– Я заметила что-то странное. Его эмоции... Они были беспокойны. Принц чем-то взбуредоражен. Настолько, что я не ощущала ничего другого. Но глубже я не смотрела, отгородилась, – задумчиво отозвалась я. Адриан ничего во мне не вызывал. Лишь иногда безразличие сменялось досадой и недовольством – особенно когда из-за прихоти королевского отпрыска приходилось тратить столь драгоценное время на чашку чая и вежливые беседы.

Прошло уже полдня, и до заката солнца осталось не так много времени.

У Люция ответ вызвал улыбку.

– Кажется, я ему понравился, – неожиданно заявил он с ухмылкой.

– Нет. Определенно нет.

– Ты уверена? Он так смотрел на меня. Как же это говорится... Плавающим взглядом? – говорил Люций, пока я разглядывала веселившихся на площади людей. Эмоции бурлили, как кипящий котел. – Слышал, во дворцах довольно вольные нравы. Встречаются даже нетрадиционные интересы. Что, если я ему понравился совсем в ином смысле? – оскорбился див. Когда до меня дошел смысл его слов, я ошарашенно обернулась.

А он только этого и добивался – привлекал внимание.

Я помрачнела. Разозлилась.

У его шуток вообще не было никаких границ.

– Ты ужасен, – произнесла я, поправляя меч на поясе.

– Я прекрасен, – с довольным видом возразил див и устремил взгляд в сосредоточение палаток на площади. Вдруг что-то привлекло его внимание, и он стремительно зашагал к толпе. – Идем. У меня появилась идея.

– Нам надо найти остальных.

– Успеем, – отмахнулся он, преодолевая расстояние до палаток широкими шагами.

Глубоко вдохнув, словно пытаясь надышаться перед тем, как окажусь в омуте человеческих эмоций, я все же пошла следом.

Люций привел нас к широкому прилавку, у которого толпились зевачи. На специальной стойке висели боевые луки, а на древке, чуть поодаль, были привязаны кружившие в воздухе воздушные змеи.

На плакате возле оружия виднелось написанное красными чернилами объявление: «Попади десять раз и выиграй главный приз – поездку вокруг озера. Романтическое путешествие за стены города этой ночью. Только сегодня! Участвуют лишь пары!»

Воздушных змеев использовали в качестве мишеней.

– Господин, сколько надо заплатить за участие? – спросил Люций, пробираясь ближе к прилавку.

Хозяин, взглянув на нас, бросил:

– Тридцать медяков.

– Эй, ты же говорил десять! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Для них тридцать. Всем известно – даэвы хорошо стреляют! – рявкнул мужчина.

– Вот же пройдоха, – слышалось в ответ.

Народ рассмеялся.

– Они к нему народ привлекут, а он с них втридорога хочет содрать! – продолжил возмущаться зевака. – Красавица, улыбнись – может, скидку сделает.

Я нахмурилась, чувствуя себя неуютно в этой толпе. Слишком много людей. Слишком много эмоций.

Но тут на лице Люция расцвела обворожительная улыбка. Он повернулся к людям и спросил:

– Вот так?

Хохот разлился по площади.

– Тьфу ты, – слышалось ругательство, утонувшее в смехе.

– Спасибо, спасибо! – Люций пару раз поклонился, принимая всеобщее внимание, а после вытащил монеты и со звоном брякнул на стол. Медяки разлетелись в стороны, лишь чудом не упав.

– Где наши лук и стрелы? – поинтересовался див у хозяина.

– Вот лук. – Тот положил на стол выдавшее виды оружие. На рукояти давно облупилась полировка. Даже в лучшие свои времена этот лук принес мало пользы своему владельцу. – Вот стрелы. Пять попаданий с тебя, пять со спутницы.

– Об этом нигде не сказано, – заметил Моран.

– Видишь пометку? Участвуют только пары, – потыкал пальцем в плакат лавочник. – Это, между прочим, не просто так написано.

Так вот в чем подвох... Народ позади заволновался. Похоже, новое, выгодное ему правило владелец озвучил лишь сейчас.

Люций покачал головой. Усмехнулся.

«Как бы он чего не сделал этому человеку...» – озабоченно подумала я, наблюдая за его улыбкой.

– Сара, ты умеешь стрелять? – полюбопытствовал Люций, проверяя тетиву и настраивая лук.

– Немного, – скупно отозвалась я, совсем не желая становиться частью представления.

Даэвов в первую очередь учили сражаться на мечях, а лук был делом второстепенным. Зачастую обучение зависело лишь от желания молодого воина. Да и умеющих метко поражать цель было крайне мало – стрелой голову монстру не снесешь.

Но Долорес твердила: «Никогда не знаешь наверняка, что именно спасет тебе жизнь...»

Люций вскинул лук. Пока я размышляла, див умудрился улучшить оружие. Стрелы со свистом рассекали воздух, поражая воздушных змеев и вонзаясь прямо в пересечение реек в центре, разрушая всю конструкцию. Подстреленные змеи под оживленные возгласы толпы пикировали на землю. Каждый раз, когда очередной снаряд случайно улетал в гущу народа, вскипала суматоха – люди пытались схватить его на лету.

– Твоя очередь, – Люций протянул мне лук. – Не попадешь – ничего страшного.

– Для чего это все? – спросила я, не притрагиваясь к оружию. Я не одобряла затею дива.

Моран сокрушенно вздохнул, одним своим ироничным видом говоря: «Ну что с тобой поделаться?»

– Посмотри на плакат. Видишь приз? – Он перевел взгляд с меня на объявление и обратно. – Ночная поездка вокруг озера... Мы выиграем, и этим вечером нас повезут любоваться красотами. Скажем кучеру использовать дорогу, по которой мы пришли в город. Скроем нашу магическую ауру и притворимся людьми.

– Почему просто не нанять экипаж самим за деньги?

– Сегодня празднование. Ты не бывала в Турисе ночью?

– Нет, не бывала.

– Это очень оживленный город. И все уже наверняка занято. Мы, конечно, можем повысить плату и увести чужую повозку или экипаж, но как расстроятся люди, которые рассчитывали провести этот романтический вечер вдвоем! Да и разбрасываться деньгами ведь тоже неправильно? – Он выразительно глянул на меня.

– Ладно. Пусть будет по-твоему, – в конце концов сдалась я под этим взором, протягивая руку и поднимая сосредоточенный взгляд на парящих в небе змеев. – Давай лук.

Когда оружие перешло ко мне, успевшая заскучать толпа вновь оживилась, посмеиваясь и делая ставки.

– Помни, я не буду тебя обвинять, если промахнешься, – кинул вдогонку Моран. – Просто тогда ничего не останется, кроме как перекупить чужую повозку.

Я недовольно поджала губы. Вскинула лук к искристо-голубому небу, в котором, словно плавающая в море, кружились воздушные змеи. Удерживавшие двух из них нити перекрутились, отчего алые бумажные птицы летали совсем близко, иногда закрывая друг друга.

Вдох. Задержала дыхание. Звуки толпы словно унеслись вдаль. Но лишь на несколько секунд, пока три стрелы, вспарывая воздух, не поразили свои цели. Одну за другой. А последняя стрела – сразу две мишени.

Пальцы горели от тетивы, а неиспользованная стрела осталась лежать на столе.

Я вернула лук, пока в полной тишине мишени падали на землю.

А потом площадь утонула в голосах. Вокруг воцарился хаос. Веселье щекотало кожу. Я даже не думала, что обычная стрельба может принести столько радости людям.

– Немного умеешь? – иронично спросил Люций, оказываясь рядом. – Это очень даже впечатляет, – протянул он, поднимая подбородок. Присвистнул. Улыбнулся.

Я опустила взгляд, отчего-то смутившись. Но, быстро опомнившись, подошла к организатору.

– Можно наш приз? – произнесла я, видя намерения мужчины насквозь. Он занервничал.

– Вы использовали всего девять стрел, а надо было все десять, – пролепетал он, сглатывая и в панике косясь на меня.

– «Попади десять раз» – так написано на вашем плакате. Ничего про стрелы, – сказала я, склоняясь ближе к нему.

Глаза мужчины испуганно расширились. Человек спешно закивал. Опустив руку под прилавок, протянул мне бумагу с вензелем.

– Возьмите, – рассеянно пробормотал он.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, принимая выигрыш.

Покидая площадь, нам не пришлось пробираться сквозь толпу – люди расступались сами.

Опустив рассеянный взгляд на бумагу с вензелем, на которой кривым размашистым почерком был указан приз и – чуть мельче – то, куда и кому предъявить документ, я сунула ее Морану.

– Надо вернуться к остальным до того, как солнце сядет, – сказала я, глядя на розовеющее небо. Вечерело. Близилась опасная ночь.

Охота всегда была непредсказуема. За столетия борьбы порождения Серого мира отобрали множество жизней. И я надеялась, что этой ночью все будут достаточно умелы и осторожны, чтобы не пасть.

VI. Кости птицы Рухх

*Создание магических печатей – крайне сложная наука.
Чем больше условий – тем сложнее знак.*

*Легко сотворить пламя, но гораздо тяжелее им не обжечься.
«Энциклопедия 2-го уровня» Библиотека Академии Снов*

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

– Надо всем вместе выбрать, кто пойдет. – Сильфа выразительно посмотрела на бумагу с вензелем, лежавшую на столе. – Чтобы было по-честному, лучше выбрать одного светлого и одного теневого, – продолжила дэва, тихо постукивая пальцем по столу. Пальцем, на котором мерцало кольцо с большим граненым изумрудом, стоившим как пара зданий в этом городишке.

Похожий камень виднелся в крупных золотых сережках, обрамлявших лицо с правильными чертами, и в броши на воротнике одеяния. Глаза цвета полыни делали ее взгляд глубоким, цепким, а контраст с бронзовой от загара кожей и темными каштановыми волосами надеял запоминающейся красотой. Дополняла образ мантия девушки, менявшая оттенок от почти белого сверху до сине-зеленого внизу.

Сильфа Зефирос, сестра Оскара, с которым я однажды сошлась в тренировочном бою. Как и брат, она была равнодушна к украшениям, но подбирала их с большим вкусом, нежели он.

И ножны ее меча, в отличие от ножен брата, выглядели довольно просто – выполненные из белой кожи, у самого острия венчавшиеся золотой накладкой. Почти такие же ножны были у дэва, сидевшего рядом с ней, – Ореста. Юноша из малочисленного ордена, обосновавшегося на юго-востоке Исонии и существовавшего в тени ордена Западных ветров. Их обители едва насчитывалось полвека. Молодые ордены часто заключали союзы с крупными, чтобы оставаться на плаву. Но союзами это оставалось лишь на словах, скорее подданство в обмен на знания и поддержку.

– Мы можем отправиться вместе – ты и я, – с каменным лицом, но сверкающими угольно-серыми глазами предложила Карма – пятая тeneвая, которая присоединилась к нашему отряду. Девушка была родом из ордена с Черных скал на территории Первого королевства. Черные как смоль волосы струились идеально прямыми прядями по одежде. И без того острые черты подчеркивали темные растушеванные линии на крыльях носа и скулах. Представители ее обители часто наносили краску на лица в стремлении походить на существ, которых уничтожали. У них это считалось актом устрашения.

Черная одежда тeneвой дэвы, в отличие от одеяния других тeneвых дэвов, не обладала никакими особенными деталями – абсолютно никакой вышивки. На теле ни одного украшения. Наверное, члены их ордена сильнее остальных напоминали теней.

– Благодарю за предложение, но откажусь, – сухо ответила светлая дива. – Думаю, будет лучше...

– ...отсидеться, пока остальные выполняют грязную работу? – продолжила за нее тeneвая.

Карма Григори обладала специфическим чувством юмора. Я бы и не поняла, что она шутит, если бы случайно не ощутила этого.

Возможно, ей стоило бы поучиться у Морана. Крайне редко, но все же его шуткам хотелось улыбнуться. Правда, как правило, чуть позже, через пару дней, когда первое негодование проходило.

Обычно я старалась игнорировать чужие эмоции, ведь это все равно что заглядывать в чужую душу и в некоей степени подобно чтению мыслей. И пока окружающие пребывали в спокойствии, у меня это чаще всего получалось. Но стоило им или мне лишь немного переволноваться – и от чувств было не скрыться. А единственный способ избавиться от источника – подавить все эмоции разом.

В этот момент я как раз отвлеклась – из головы никак не выходило происшествие в библиотеке. Раз за разом я вспоминала в мельчайших подробностях то, как подошла к запертой двери другой комнаты. Чистое совпадение и случайность?

Даже не знаю. Будто что-то привело меня.

– Меня учили, что мы подозреваем других существ в своих же грехах, – непривычно громко заявила Сильфа, выдергивая меня из раздумий. – Не стоит кого-то оскорблять, если сама не хочешь быть оскорблена.

В последние часы вокруг было слишком шумно. Зефирос была эмпатом, как и я. Но пока она не ощущала эмоций без прикосновений. Подобное проявление дара считалось самым удачным – он не мешал жить.

– От теневых могу пойти я, – встрял Коэн, до сих пор переговаривавшийся только со своими и высокомерно взиравший на светлых. Вот и теперь, задрав подбородок, он с вызовом окинул взглядом даэвов в светлом.

Его непомерная надменность граничила с почти такой же неуверенностью и сомнениями в себе.

– Пойти должен тот, кому хватит умений и кому мы, светлые, сможем доверять, – посмотрев прямо в глаза Коэну, отозвалась Сильфа. – Думаю, оба условия вполне разумны. Но боюсь, тебе недостает первого, не говоря уже о втором. Вдруг начнешь кричать и перепугаешь всех монстров в округе.

– Да что ты... – угрожающе начал Коэн, поднимаясь на ноги и ударив ладонями о столешницу.

– Я не закричу, – тем же гробовым тоном вставила Карма. – Я не умею кричать. В отличие от него.

– Не стоит лгать, даже для того, чтобы привлечь внимание. Так или иначе, это чернит душу. Хотя ничего страшного, когда она и так черна и даже белых пятен нет. – Сильфа невозмутимо глянула на девушку и отвернулась, не желая продолжать разговор. Ее взор устремился к теневым диванам, заказывавшим еду.

– У нас разное воспитание, светлая. Родители отучили меня повышать голос, – тем не менее продолжила Карма.

– И как же? – с усталостью в голосе сухо поинтересовалась Зефирос.

– Не могу сказать. Это секрет моего ордена. В коридорах нашей обители тихо, как в склепе. Мы мало разговариваем.

Айвен сидела необычно молчаливо, помешивая ложкой чай. После того как я вернулась к гостиному двору вместе с Люцием, она постоянно хмурилась и временами сверлила меня недовольным взглядом.

Коэн посмотрел на темную, скривившись, и медленно опустил на стул. Тихо сказал:

– Инклементии... Им с рождения внушали ценности культа мертвых. Их главная цель – умереть.

– Еще немного, и я подумаю, что ты завидуешь, Коэн. Ведь если я умру в бою, то на той стороне меня встретит наш бог Фародей. А вот тебя не встретит, – зловеще проговорила Карма.

Девушка встала и медленно обошла стол, оказавшись позади Коэна. Тело дива напряглось, когда она наклонилось, что-то прошептав ему на ухо. Все слова можно было разобрать по ее медленно шевелившимся бледным губам. Ладонь дива сжалась в кулак, а от лица отхлынули все краски.

– ... Тогда подайте ваше фирменное, – велел Люций хозяину, стремительно возвращаясь к столу. Он заставил Карму посторониться. – Мы собрались здесь не драться. Но если появятся какие-то разногласия, можем решить их чуть позже, Карма Григори. – Голос Люция звучал негромко и спокойно, но в нем клокотала угроза.

– Разумеется. Мы здесь не для того, чтобы драться, – откликнулась дива, так же медленно возвращаясь на место.

Атмосфера была тяжелой, давила на плечи. Оказавшись бок о бок, светлые и темные вдруг стали показывать свои худшие стороны. К чему правило о вежливости, если даже невинными словами можно было уколоть, как копьем?

Я вздохнула, и этот вздох показался слишком оглушающим в возникшей тишине.

– Винсент хотел что-то предложить, – произнесла я, в очередной раз заметив, как див порывается что-то сказать, но не решается вмешаться в разговор.

Люций дружелюбно улыбнулся, переведя полный ожидания взгляд на парня рядом со мной.

– Да-да. Я хотел предложить вытянуть кости. – Винсент суетливо, не с первой попытки – его рука сильно дрожала – вытащил из мантии потрепанный мешочек из темной ткани, перевязанный веревочкой, на кончиках которой висела пара пуховых перьев. Они мерцали, словно посыпанные каким-то магическим порошком. – Эти кости из останков птицы Рухх. Они передаются веками у нас в семье и обладают магической силой. На половине из них есть углубление, вот. – Див вытащил сероватую косточку, в центре которой оказалась выбоина.

– У вас у всех в ордене такие мешочки? – полюбопытствовала Сильфа, приподнимая брови. – Сколько птиц убили понапрасну.

– Мы их не убивали! – воскликнул возмущенно Винсент, покраснев.

Бровь девушки иронично изогнулась.

– Птицы Рухх настолько большие, что из костей одной особи можно построить дом, не то что создать реликвии для всего ордена, – сообщил Люций.

– И это не те существа, которых так просто убить. Не говоря уже о том, что вреда они не приносят. Охотятся на морских просторах, почти никогда не прилетая на материк, – добавила я, ранее уже слышавшая об этих магических костях.

Если дух птицы, заключенный в останках, решит нам помочь, то они дадут ответ. Но если нет, то выдадут абсолютную бессмыслицу. Своенравный артефакт, который работает лишь в руках даэвов ордена Рухх, в чьей плоти заключено древнее колдовство их острова. Причем даже принудить воинов их обители воспользоваться костями не выйдет – магия почувствует подвох. Владелец мешочка с костями должен искренне желать помочь.

Не будь этого ограничения, и их собственная реликвия могла бы стать проклятием для ордена. Ведь оказалось бы так много желающих узнать ответы на свои вопросы! Не сосчитать, сколько раз за всю жизнь нас гложат вопросы, на которые мы никогда не узнаем ответ, а тут не нужно гадать и сомневаться – достаточно лишь воспользоваться костями. Слишком привлекательная возможность.

– И что же нам надо делать? – не слишком вдохновенно спросила Зефирос.

– Я задам вопрос, а вы вытяните по кости. Те, у кого будут кости с углублением, воспользуются призом и станут приманкой.

– Мы ничего не теряем. Даже если кости не захотят помочь, это все равно будет воля случая, – заметил Люций, склоняясь над столом и добавляя: – Можно попробовать.

Винсент просветлел и закивал. И по очереди протянул каждому мешочек, не выпуская его из рук.

– Пока сожмите кости в кулаке и не смотрите. Ваше знание может нарушить колдовство.

Я чувствовала, как кость вбирала в себя тепло ладони, начав неожиданно пульсировать. Теплая. Совсем не скажешь, что она принадлежала существу, сотворенному благодаря энергии Серого мира.

Когда у каждого в ладони оказалась зажата кость, Винсент удовлетворенно кивнул и разрешил:

– Открывайте. У кого попалась с углублением?

– У меня! – Коэн почти в тот же миг вскинул руку вверх и ухмыльнулся.

Не спеша узнать результат, я вспомнила, что в одной из книг мне попалась теория, что не все монстры на Затерянных островах созданы благодаря тьме – некоторые являлись частью древнего колдовства Дэвлата. Теперь я была готова поверить, что чужие домыслы являлись правдой. Магия пронизывала кости, и не будь в них столько силы, они уже давно бы рассыпались. Но они не стали пылью еще по одной причине – за каждую помощь останки взимали плату, питаясь чужой силой. Однако артефакт знал меру и поэтому не взял слишком много.

– Только один? – забеспокоился светлый, переводя взгляд с одного даэва на другого.

Разжав ладонь, я произнесла:

– У меня тоже, – на косточке в моей руке было углубление.

– Неожиданный выбор, – пробормотал Винсент, цепенея. Но, почти сразу придя в себя, стал спешно собирать костяшки обратно в мешочек.

За столом повисла тишина – никто не решался вновь начать споры.

Даэвы с уважением относились к артефактам, ведь их на землях Дэвлата осталось не так много. Даже Сильфа, сомневавшаяся в подлинности реликвии, подержав кость в руке, присмирела.

Выбор сделан. Пора было отправляться на охоту.

VII. Отравленная земля

Ревенанты – самый распространенный вид нечисти, сильные эмоции и грехи людей привлекают к ним энергию Серого мира.

Но еще несколько столетий назад порождениями тьмы часто становились животные и растения, и даже на предметах тень часто оставляла свой след.

«Энциклопедия 2-го уровня» Библиотека Академии Снов

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Повозка поскрипывала, покачиваясь из стороны в сторону. Крыши не было, и, пойдя дождь, мы промокли бы до нитки. Отодвинувшись ближе к краю и задумчиво подперев ладонью подбородок, я глядела на темные стволы деревьев с пушистыми кронами и высокую траву, что росли на обочине.

Несколько раз над головой пролетала сова, а издалека звучало одинокое пение ночной птицы.

– Мы обычно не используем эту дорогу. Почему вы захотели поехать именно здесь? – в который раз попытался выведать кучер, неуверенно всматриваясь в даль. – И лягушек что-то не слышно. Слишком тихо. Они уже должны были проснуться после зимней спячки. Летом они квакают всю ночь, звук долетает даже до города, – беспокоенно продолжил он.

– Это вас не касается. Просто езжайте дальше, – небрежно махнул рукой Коэн – ему надоели расспросы.

Ночной лес нервировал мужчину. Ветер, изменивший направление, обдавал холодом и морозил кожу. По небу скользили плотные облака, укрывающие звезды и луну, – в этот темный час кучер предпочел бы сидеть дома у камина, а не ехать по пугающему лесу, где вокруг ни души.

Но именно подобные заказы в разгар праздника, видимо, обеспечивали его основной доход, и, когда мы предложили несколько серебряных монет всего лишь за то, чтобы он провез нас по другой дороге, кучер не смог отказаться.

Мантии нам пришлось оставить в гостевом доме, облачившись в человеческую одежду – все те же штаны и удлиненные рубашки, но выполненные из ткани похуже. Под пояс мы спрятали печати, которые скрывали ауру даэвов, что могла отпугнуть особенно осторожную тварь.

Взгляд извозчика становился все подозрительнее. Изначально он принял нас с Коэном за влюбленную парочку, решившую провести романтический вечер вдали от скопления людей, но его иллюзии быстро развеялись.

Ведь Коэн избегал говорить со мной. Лишь изредка бросал в мою сторону напряженный взгляд и сразу же отворачивался, будто стоит посмотреть чуть дольше, и он обожжется.

– Боги, вот же странная парочка, – едва слышно пробормотал кучер. Если бы мы были людьми, то, возможно, и не услышали бы его.

Коэн тяжело и недовольно вздохнул. Див уже начинал беспокоиться, ведь мы ехали по дороге давно, но пока не встретили никаких признаков темной твари. Затея стала казаться

бесполезной. Но в то же время никак не давала покоя мысль: раз существование твари заподозрили только теперь, то монстр крайне осторожен и силен...

Зачатки разума встречались у ревенантов чрезвычайно редко, но стоило рассматривать все варианты.

Остальные отряды прочесывали лес с другой стороны города, у дороги, огибающей озеро, куда отправились все жители Туриса. Скопление людей могло привлечь притаившуюся тварь.

Наставники должны были наблюдать за охотой и вмешаться, если станет по-настоящему опасно. Всем ученикам было наказано использовать сигнал тревоги, если они столкнутся с чем-то непосильным.

Обернувшись, я пристально посмотрела на Коэна.

– Не стоит так переживать из-за чужих слов, – негромко произнесла я.

– Да что ты можешь знать, светлая? – раздраженно спросил Коэн.

– Ничего, кроме твоих эмоций, – сказала я.

«Слишком громких эмоций», – добавила я про себя, вспоминая то, что ощутила, когда Люций пришел на помощь диву в разговоре с Кармой Григори из ордена Черных скал.

Коэн молчал, и тогда я продолжила:

– Обуздай свою зависть, если хочешь оставаться его другом.

Мои слова заставили дива вздрогнуть, обернуться и взглянуть в глаза – испуганно и настороженно. Юноша сжал ладонь в кулак, на мгновение став беззащитным и настоящим, но потом, фыркнув, отвернулся.

– Все светлые лицемеры. Ты же смотрела на нас свысока, что изменилось?

– Возможно, я стала видеть дальше своего носа, – отозвалась я, гадая, как бы отреагировал Фредерик, если бы услышал мои слова.

Понял бы? Согласился бы или нет?

Но Коэн удивился, вновь взглянул на меня и, помедлив, с неохотой признался:

– Я не завидую Люцию. Он мой друг. Моя семья. Просто иногда думаю о том... – Теневой див замолчал, так и не договорив, несколько раз открывая рот, словно рыба, выброшенная на поверхность. И неожиданно поведаль: – Карма назвала меня сыном предателя.

– Почему? – спросила я, никак не показывая, что прочитала все по губам Кармы еще за ужином.

Коэн глубоко вдохнул, переведя взгляд на свои ладони, лежавшие на коленях.

– У ордена Черных скал есть особенность – они почти не заключают брачные союзы с другими орденами, а если это все же происходит, то другой даэв обязан покинуть свой орден, изучить их веру и стать инкLEMENTИЕМ. Не подчиниться заведенному порядку и, наоборот, самому уйти из ордена считается тяжким грехом, предательством бога. Порою за это даже преследуют, а после вершат суд. – Его невидящий взгляд был обращен вдаль, он гулко сглотнул. – Мой отец, как и Люций, был старшим сыном главы и занял бы место после деда. Но он настолько любил мою мать из Северного ордена, что ушел за ней, когда она не пожелала покидать тех, с кем прожила всю жизнь. Отец стал никем в чужом ордене и изменником в своем. Когда мне было семь лет, родители погибли на охоте, а бабушка ушла годом позже. И так я остался один.

Я молчала, ощущая его грусть.

Коэн вдруг язвительно усмехнулся:

– А где же хваленое сострадание и вежливость светлых? Почему не говоришь, как тебе жаль?

– Мне жаль, Коэн, – послушно сказала я. – Но пообещай, что сам себя ты жалеть перестанешь. Надо жить дальше.

Чувствовала я себя лицемеркой, ведь сама не могла следовать своим словам. Кошмары возвращались, что бы я ни делала. В конце концов я даже смирилась с этими сновидениями и привыкла к тому, что они лишают меня сна.

– Жалеть себя... Ты ничего не понимаешь! – разозлился теневой див. – Тебя официально приняли в главную семью ордена и дали все, соответствующее этому положению. Знаешь, сколько даэвов хотело бы оказаться на твоём месте? О чем тебе сожалеть или переживать? Ты ничего не потеряла! – Его взгляд пылал, а дыхания не хватало. Заметив оглядывающегося кучера, он продолжил тише и с явной горечью: – А я так и остался никем... И никак не могу отделаться от мысли о том, что было бы, не покинь отец орден. Что, если бы мать не была столь эгоистична и не вынудила его так поступить? Сейчас я был бы сыном главы, а не прозябал в чужой тени. И такая, как Карма, не позволила бы себе подобных слов. – Коэн покачал головой, а на лице его появилась кривая самодовольная улыбка: – Нет-нет... она бы уже не один раз склонила передо мной голову.

– Но этого никогда не будет, – оборвала я его, и улыбка сползла с лица теневого дива. Не зря эмоции Коэна беспокоили меня, в них действительно было что-то ядовитое и опасное. – Ты искренне восхищаешься Люцием и любишь его родителей. Почему не радоваться тому, что имеешь прямо сейчас?

Коэн молчал, продолжая все так же хмуро смотреть на свои ладони. Тогда я заговорила вновь:

– Несколько раз мне приходилось менять эмоции людей, которые потеряли близких... И самым сложным чувством было одиночество. Одиночество убивает не хуже яда. Не с кем разделить счастливые моменты, и пугает осознание того, что ты никому не нужен, – произнесла я, глядя в никуда и растирая большим пальцем внешнюю сторону ладони. – Я пришла к мысли, что для того, чтобы быть счастливым, достаточно одного по-настоящему близкого существа. Кого-то, кто будет на твоей стороне...

Говорила я неспешно, одновременно прислушиваясь к эмоциям дива. Мне было важно достучаться до него. Ведь терзавшие его мысли и зависть к Люцию отравляли его душу.

Возможно, я бы не придала такого значения его чувствам, если бы не случай из прошлого. Я еще жила в Предфоре вместе с отцом. Последние ярмарки прошли удачно – папа заработал значительно больше, чем рассчитывал. Он купил парочку книг, пополнив наше скромное собрание, семена новых цветов, которые подарил соседке, и даже безвозмездно привез дорогое лекарство ее мужу, мучившемуся от боли в спине.

Все бы ничего, но новость о хорошей прибыли распространилась по деревне, как пожар. Прошло несколько дней, и наша лошадь заболела и вскоре умерла. Лишь после ее смерти мы с отцом случайно поняли, что причиной всему была отравленная вода в стойле. Она странно пахла. Несильно, поэтому сразу и не распознаешь аромат ядовитых ведьминых цветов, что росли в двух часах пути от Предфора.

Нашу лошадь отравили. И я даже догадалась кто – кузнец, чье злорадство противно холодило кожу. С тех пор я избегала того мужчины.

Случай из прошлого так вьелся в мою память, что даже теперь, ощутив нечто похожее, я не смогла остаться безучастной.

– Может, ты и права, – с неохотой согласился Коэн, выдергивая меня из мыслей. Я ему все еще не нравилась, но, по крайней мере, теневой див не отмахнулся от моих слов. Юноша обернулся и вдруг спросил: – И у тебя есть этот близкий? Кто это? А то говоришь с таким умным видом.

Смотря в наглое лицо теневого дива, я тяжело вздохнула.

«Все же он мне совсем не нравится...» – подумала я, вспоминая отчего-то Люция, который вызывал совершенно противоположные эмоции.

Ответить не успела – перед глазами вспорхнула теневая птица с клочком бумаги в клюве. Она приземлилась на жердь позади кучера. Я протянула руку, а смятый лист упал мне в ладонь, обжигая холодом теневой магии.

На нем было выведено одно-единственное слово: «Подождите».

Хорошо, что чернилами, а не кровью...

– Это почерк Люция, – мгновенно узнал Коэн и, вскинув голову, крикнул: – Эй, ты, остановись!

– Посреди дороги? Что-то случилось? – обеспокоился мужчина.

– Тебе какое дело? – сощурился темный див раздраженно. – Я говорю остановиться, значит, ты должен остановить эту проклятую лошадь, понял?! Или у тебя есть возражения, человек?

Повозка резко замерла на месте. Коэн стремительно спрыгнул на землю. Огляделся.

– Возьмите. – Я протянула золотую монету кучеру. – За беспокойство. И, пожалуйста, не обижайтесь на него.

Див был слишком груб. Но недовольство мужчины пропало, стоило ему увидеть золотой.

Если бы все эмоции менялись благодаря деньгам, мой дар бы не понадобился. Но, несмотря на хлопоты, мне нравилось встречать принципиальных людей. Они были точно глубокая вода – просты и понятны. К сожалению, наш провожатый к таковым не относился.

Совсем скоро мы увидели приближающийся силуэт, в котором я узнала Блеза. Они с Люцием и Винсентом изначально должны были обыскать лес у дороги и намеревались держаться в отдалении от нас, чтобы не спугнуть магической аурой монстров. Но, видимо, что-то пошло не так...

Див быстро настиг нас.

– У нас проблемы. Люди, которых мы встретили прошлой ночью... – начал Блез, рассказав, что та семья вновь пустилась в путь по той же дороге.

– Они что, самоубийцы? – возмутился Коэн, когда див замолчал. – Насколько пустоголовыми надо быть, чтобы второй раз сунуть голову в пасть зверю?!

– У них телега сгорела. Надо, чтобы кто-то отправился вместе с ними обратно в город, – покачал головой Блез.

Мы с ним встречались все чаще. Его эмоции были самыми тихими, и, возможно, поэтому он меньше всего привлекал внимание. Если чувства Коэна были похожи на никогда не затихающий крик, то чувства Блеза напоминали несильный дождь – достаточно громкий, чтобы услышать, но в то же время теряющийся среди остальных.

Даже внешность у него была под стать – правильные черты лица, которые, однако, в совокупности делали его лицо непримечательным. Зачастую даэвы отличались от людей не только силой, но и необычайной красотой, которая порой выражалась в непривычном цвете глаз или волос. Но Блез был лишен этих особенностей, и, если бы не одеяние, его можно было бы спутать с обычным человеком.

– Но почему телега вообще зажглась? – спросила я, обдумывая странность ситуации.

– Не знаю. По их словам, она просто сгорела. Либо в телеге лежало что-то горючее, либо...

– ...это магия, – закончила я.

Что, если кто-то нанес на телегу воспламеняющую печать?

Коэн пришел в еще большее раздражение, сетуя на глупцов, из-за которых наш план пошел прахом. Но имела ли эта затея изначально шансы на успех?

Вернувшись к телеге, мы попросили кучера развернуться и поехать обратно к городу. Мужчина обрадовался неожиданному завершению прогулки и заметно повеселел.

Прошло несколько минут, и мы увидели на дороге людей – семейную пару, жмушущую друг к другу, и Люция с их дочкой на руках. Она обхватила ручками его шею, без страха осматривая округу.

Винсент стоял в сторонке у дерева, держа под уздцы лошадь, которая, видимо, и была запряжена в сгоревшую телегу.

«А ведь колеса новые были...» – вспомнила я, как еще вчера потеря одного колеса привела отца девочки в отчаяние. Теперь же он выглядел напуганным, как и его жена. Что ж, неудивительно...

Увидев нас, Люций попытался вернуть ребенка маме, но малышка заупрямилась, никак не желая отпускать шею теневого дива. Я отвлеклась, наблюдая за девчужкой, которая повисла на согнувшемся над землей Моране. Оба тихо смеялись, пусть ситуация к этому совсем и не располагала.

Мы с Коэном и Блезом отошли от повозки, а совсем скоро к нам присоединился Люций со словами:

– Извините. Задержался.

Див случайно посмотрел на меня и вдруг подмигнул.

Я покачала головой, а он как ни в чем не бывало отвел взгляд, посерьезнев, сложил руки на груди.

– Почему они вновь поехали по этой дороге? – спросила я.

– Сегодня последний день празднества. Главная дорога загружена, – негромко сообщил Люций.

– И вправду идиоты, – буркнул Коэн.

Мельком взглянув на друга, Люций задумчиво протянул:

– Да, весьма глупо. Думаю, днем события прошлой ночи перестали казаться им такими настораживающими. Вот и забыли об осторожности. – И невесело предположил: – Или что-то тянуло их обратно.

– Кто проводит их в город? – спросила я.

– Я могу это сделать. Съезжу с ними в город, заселю в гостиницу и огражу магией, – предложил Блез.

– Хорошо, – кивнула я. – Так и поступим. А мы присоединимся к остальным и осмотрим лес.

Люций вернулся к повозке, поговорить с семьей. Я пошла следом, решив помочь. Семейная пара выглядела сильно напуганной. Мне запретили использовать дар, но я уже не раз воздействовала на эмоции людей и знала, когда надо остановиться. Если могу помочь, почему я должна оставаться в стороне?

Но промелькнувшая мысль так сильно отличалась от моих прежних стремлений. Правильно ли идти наперекор приказам? Ведь теперь от моего дара не зависела чужая жизнь.

– А ты не можешь поехать с нами? – Малышка вновь потянулась к Люцию, когда див сообщил о нашем решении родителям.

– К сожалению, нет, Рори. Я должен остаться здесь, чтобы помочь.

– А может, эта тетя поедет с нами?

– Она больше не кажется тебе страшной? – улыбнулся Люций.

– Нет. Разве что немножко. Она очень красивая, – услышала я ответ, чуть отойдя, чтобы создать на повозке защитную печать.

Я склонилась над корпусом и, уже когда создала печать, вдруг увидела на земле лягушку. Она была большой, плоской и серой, словно один из камней, что лежали на краю дороги. Почти полностью сливалась с темнеющей землей.

В этот момент повозка сдвинулась с места, и я отвлеклась, а потом раздался возглас:

– Сара, осторожно!

Люций оказался рядом, заслоняя мою шею рукой. Скривился. На его ладони болталась лягушка, которая вгрызлась в плоть. У нее обнаружили зубы – тонкие и острые, расположенные ровными плотными рядами.

Моран выругался. На бледной коже расплзались темные пятна от яда.

Вскинув руку, я схватила тварь за брюхо, направляя светлую силу в ладонь, и ее хватка ослабла, а челюсти разомкнулись. Бросив лягушку на землю и достав клинок, я проткнула ее мечом. Послышалось противное чавканье, а на земле растеклась кровь. Повис запах гнили.

Вытащив из кармана баночку с мазью, я подошла к Люцию, взяла его ладонь и принялась молча смазывать рану теневого дива.

– Сара, дальше я сам. – Его голос вывел меня из какого-то транса. Несколько секунд помедлив, я отдала ему мазь и отошла.

Тем временем Винсент сидел на корточках, всматриваясь в тело маленькой твари.

– Я уже видел подобное у себя на острове, – пробормотал он. – Где-то есть участок отравленной земли. Когда энергии тьмы скапливается слишком много, она собирается в земле и появляются вот такие измененные существа. Скорее всего, тьма застала ее в спячке.

Это опасно. Но я не помнила, чтобы такое происходило на материке. Здесь не было столько энергии Серого мира, ведь мы находились слишком далеко от раскола.

– Если только поблизости нет источника, – продолжила я свои размышления вслух. – Два года назад в окрестностях Туриса объявился ревенант, но до этого на тех землях много лет не бывало никакой нечисти. Надо позвать наставника. Не думаю, что мы вправе действовать самостоятельно.

– За наш отряд отвечает Лоуз Прауд, – сказал Винсент. – Может, одного Блеза в провожатых будет мало?

– Я отправлюсь с ними, – с неохотой вызвался Коэн и разочарованно добавил, с пренебрежением глядя на тушку твари под ногами: – Тем более серьезного улова не предвидится. Так, мелочь какая-то.

Кучер развернул повозку. Благо она была на четверых и всем хватало места.

Путники почти скрылись вдаль, когда раздался тихий, едва различимый шорох. И у нас появились гости – еще дюжина лягушек, таких же серых, с мерцающими алым кровожадными глазами.

– Что-то поразительное, – буднично произнес Люций, и я не могла с ним не согласиться.

Теневой див достал чистый лист и, неуловимым движением надрезав палец – где-то в его одежде было запрятано лезвие, – создал кровавую печать. Та ослепительно сверкнула, на мгновение окрашивая его пепельные волосы фиолетовым. Сорвавшись с ладони Морана, бумага обратилась искрой и унеслась в небо, вспыхнув яркими огнями в облаках.

Знаков тревоги существовало несколько. Каждый загорался своим цветом, который нес особый смысл: желтый, фиолетовый и красный. Первый сообщал о том, что найдены следы нечисти, второй – о столкновении, а красный нес весть о смертельной опасности и сопровождался громогласным звоном, который обязательно достигал всех, кто находился поблизости.

Моран, создав печать, поморщился и опустил пострадавшую от зубов лягушки руку. Место укуса покраснело и, видимо, все еще болело, но на коже не осталось следов яда, и это было куда важнее.

Я сжала Туманный и выступила вперед, разя мелких тварей. Винсент присоединился ко мне. Светлый див весьма умело обращался со своим мечом – изящно, с уверенностью, в которой полностью растворялась его привычная робость. Я уже замечала это на тренировках и спаррингах.

Когда твари закончились, на светло-голубом лезвии Туманного остались темные пятна.

– Сколько? – поинтересовался Моран, сбив меня с толку. – Скольких убила?

– Разве это имеет значение? – непонимающе поинтересовалась я, вытирая сталь.

Люций покачал головой, улыбнулся, будто услышал хорошую шутку, и отозвался:

– Нет, не имеет. – Повернулся к Винсенту: – Насколько опасной может быть отравленная земля?

– Очень опасной, – пробормотал парень, вглядываясь в глубину леса. – Зависит от животных, обитающих в этой местности. Но даже лягушки могут принести немало проблем. Вдруг их там тысячи?

– Не будешь осторожным – и они обглодают тебя до косточки, – подытожил Люций, вмиг становясь серьезным. – Хорошо. Тогда ждем наставника.

Стоило ему договорить, как из леса вновь донесся шорох, в этот раз гораздо громче – кто-то, не заботясь о скрытности, пробирался через кусты.

– Что у вас случилось? Зачем пустили сигнальный огонь? – едва показавшись, недовольно спросил Рафаиль Руньян. Он сделал очередной шаг, когда под его ногой противно чавкнуло тельце убитой твари. Подняв ногу и осмотрев следы, он принялся и вдруг шархнулся в сторону, наступив другим ботинком на еще одну поверженную лягушку.

– Да что за... – Див обреченно застонал, глядя с отвращением на собственную обувь. – Что это?

Будто решив ответить на его вопрос, из кустов выпрыгнуло еще несколько живых тварей. Все они замерли на земле, выжидательно рассматривая возможную добычу, но не спеша направляться к нам.

Наблюдая за поведением мелких монстров, я обернулась к остальным:

– Они будто сбиваются в стаи, как хищные животные.

– Да. И не нападают, если противник слишком силен, – подсказал Винсент. – Зачатки разума. Значит, энергии Серого мира много. Только откуда она здесь, на материке?

Лягушки, раньше атаковавшие нас, вдруг бросились на Руньяна, видя в нем новую, возможно, более слабую жертву. Див, размахивая мечом и срубая высокие кусты, кинулся к нам.

Люций создал печать и, причудливо сложив, бросил ее в кусты. Та, долетев до листвы, взорвалась, обуглив кору на деревьях, а на земле оставив лишь чернеющий след. Твари, поняв, что вновь ошиблись с выбором, попрыгали обратно в лес.

Раздался звук копыт. Со стороны города к нам приближался одинокий всадник в светлых развевающихся одеждах.

Подъехав, наставник спешил. Рукава его мантии взметнулись, точно крылья, а разошедшиеся полы на миг явили клинок. На его эфесе болталась подвеска, которую сразу скрыла, не позволив рассмотреть, опустившаяся ткань.

Лоуз Прауд быстро подошел к нам.

– Что случилось? – спросил он, оглядывая нас и место побоища. Зловонный запах порождений энергии Серого мира невозможно было не почувствовать.

Я глянула вслед удалявшимся лягушкам, чьи тельца мелькали в лунном свете, пробивавшемся через облака.

– Наставник, идемте, пока мы их не упустили, – поторопил Люций, направляясь в недра леса. Учитель сдержанно кивнул, заложив руки за спину. Мы бросились в лес. Передвигались стремительно, как могли только даэвы. Ноги едва касались земли.

Пока мы мчались мимо деревьев, которые норовили уцепиться за одежду, задержать, стал накрапывать мелкий дождик, а земля размягчилась так, что ноги проваливались. Вдалеке забрезжили огни – они кружили, то исчезая, то загораясь вновь. Словно кто-то зажигал и вновь тушил факел.

Но светло-зеленый оттенок явно говорил, что это не обычный огонь.

– Остановитесь, – приказал Лоуз Прауд, замирая на месте и вглядываясь в даль. – Дальше опасно. Нельзя бежать сломя голову.

За время пути мы повстречали еще несколько тварей, так что учитель в общих чертах уже знал о происходящем.

– Винсент, сможешь обойти топь и добраться до остальных отрядов? – напряженным голосом спросил наставник. – Мы пока попробуем отыскать источник тьмы. Но работы здесь хватит на всех.

– Да, конечно, – поспешно кивнул див.

– Используй печати и не заходи дальше в болото, – посоветовал учитель.

Когда Винсент уходил, я смотрела ему в спину, гадая, правильно ли мы поступаем. Но это было указом наставника, а в бою нет абсолютно верных решений. Мы постоянно будем рисковать товарищами и собой.

Меня беспокоило его решение отправить Винсента одного. Но, с другой стороны, див уже сталкивался с отравленной землей и, как никто другой, подходил для этой роли.

– В былые времена отравленная земля часто появлялась на местах массовых захоронений. Именно поэтому когда-то наши предки стали сжигать тела, теперь большие кладбища редкость. Смерть вызывает слишком много человеческих эмоций, которые накапливаются и сосредотачиваются в одном месте. Со временем они начинают привлекать энергию Серого мира, – рассказал наставник, осторожно шагая по островкам травы. Вода хлопала. Меня же удивляло, как лес, окружавший лагерь у озера Спокойствия по другую сторону Туриса, отличался от здешнего. – Но не думаю, что захоронения – наш случай. Мы бы знали, если бы вблизи имелось кладбище, способное притянуть к себе такое количество энергии Серого мира. В любом случае мы должны найти источник. То, что заставляет теневую силу стекаться сюда.

Серые камешки, мох, грязь вперемешку со свежей травой... Становилось очевидно: болото расширило свои границы, и произошло это совсем недавно. Даже деревья проваливались, уходя под землю куда глубже, чем задумала природа. На поверхности их держали лишь ветви – длинные, крючковатые, с густой листвой. Теперь деревья напоминали огромные кусты, взявшиеся из ниоткуда.

В один момент из-под земли показалась лягушка и попыталась зубами вцепиться в мою лодыжку, но лишь оставила склизкие следы на обуви. Туманный уничтожил тварь раньше, чем она добралась до плоти. Больше нападений не было, хоть красные глаза и смотрели на нас время от времени, высовываясь из грязи.

– Разве даэвы из лагеря не могли помочь? – спросил Люций, когда мы осторожным шагом вновь двинулись в путь. – Хотя бы попытаться чуть больше узнать о слухах, гуляющих в городе. Любой страж быстро отыскал бы это место. Люди, что прочесывали лес в поисках пропавших, очевидно, не заходили в него так далеко.

– Они слишком стары. Уже давно не покидают своих чертогов и не прикасаются к мечам, – отозвался Прауд, напряженно осматриваясь. Перед ним плыла печать, распространяя светлую силу и распугивая лягушек, которые, следуя инстинктам, не нападали на более сильного противника.

Огни, мелькавшие ранее вдалеке, зависли в нескольких метрах над болотом, заливая землю желто-зеленым сиянием. Если присмотреться, то становилось понятно, что эти существа некогда были светлячками.

Они летали по спирали, выписывая круги в воздухе, и... гипнотизировали.

Мы поняли это, когда Рафаиль внезапно замер в неестественной позе, вытянув руки по направлению к насекомым, а потом побрел в их сторону.

– Наставник, – позвала я, пока Люций, сощурившись, водил рукой перед лицом друга. Тот не отреагировал, оставшись в том же положении. Моран посмотрел сначала вверх, где зависло облако измененных энергией Серого мира насекомых, а потом на землю, где алых огней стало гораздо больше, – твари высунулись на поверхность в молчаливом ожидании жертвы.

Теневой див с кривой улыбкой покачал головой. Из его рукава появилась новая, заранее заготовленная печать, поплыла к земле, планируя, словно упавший с дерева лист. А в следу-

ющую секунду раздались хлопки – нескольких лягушек просто разорвало изнутри. Всего две или три – по взрыхленной взрывом земле и не разберешь, – но этого оказалось достаточно.

– Кажется, я знаю, что произошло, – процедил Моран. Следом за печатью с его ладони сорвалась птичка, взвилась в небо и стрелой пронзила спираль из круживших светлячков, нарушая их синхронность. Те испуганно заметались, позабыв про свой гипнотизирующий танец.

Рафаиль встрепнулся, недоуменно оглядываясь по сторонам, пока мы с наставником склонились к самой земле. Я заметила под ногами обломок какой-то палки. Ее неестественная, приплюснутая с одной стороны форма заставила меня заподозрить неладное.

Я, недолго думая, погрузила ладони в грязь.

Лоуз Прауд оставался спокоен. Как внешне, так и в эмоциях. Даже когда я с громким чавкающим звуком вытащила на поверхность человеческие кости – несколько ребер, все еще сцепленных между собой, но в следующую секунду все же сломавшихся из-за застрявших между ними комков земли.

– Останки? – прошептал позади не до конца пришедший в себя Руньян.

– Светлячки заманивают жертву. Именно поэтому никто не забил тревогу, – произнес Люций, опускаясь рядом. Он поднял отколовшееся ребро и, крепко сжимая его в ладони, потер большим пальцем. – Этому бедняге не повезло наткнуться на стаю этих тварей. – Див кивнул на место, где еще полминуты назад мерцали яркие алые глаза. Добавил, показывая на следы мелких зубов, оставшиеся на костной поверхности: – Обглодали прямо до кости.

«Ужасная смерть. Ничего хуже, чем быть съеденным заживо, и не придумаешь», – содрогнулась я, когда вдруг заметила необычное внимание со стороны Морана: он, продолжая сжимать в пальцах чужое ребро, озадаченно смотрел чуть ниже моего лица.

Я опустила взгляд, не понимая, что именно привлекло его внимание.

Свободная рука Люция вдруг потянулась к моей шее.

Я перехватила его запястье на полпути. Он встрепнулся. Наши взгляды встретились.

– Ты носишь кулон, Сорель? Можно посмотреть?

Моя рука взметнулась вверх, нащупывая цепочку, что выбилась из-под неплотно прилежавшего к горлу ворота рубахи, – сам кулон оставался под слоем ткани.

Я помедлила, не сразу решаясь вернуть цепочку на место. После смерти отца я оберегала полумесяц еще тщательнее, скрывая его от чужих глаз. Меня преследовало навязчивое чувство, что чем чаще подарок папы будет сталкиваться с моим нынешним миром, тем меньше у меня будет оставаться воспоминаний о детстве.

Оно было слишком счастливым, чтобы впускать в него всю эту кровь.

– Нет, нельзя, – ответила я.

– Моран, сейчас не до твоих шуток, – хлопнул Рафаиль друга по плечу. Люций недовольно поморщился, скидывая чужую ладонь. Его движение было резким и раздраженным – видимо, в этот раз он не шутил.

– Сорель, – окликнул меня наставник, и мне пришлось подняться, вернув останки обратно на землю.

– Да, наставник? – подошла я к нему.

– Используй свой дар, проверь, может, поблизости есть кто-то из учеников, – задумчиво произнес Прауд, переходя на «ты». В нынешней обстановке было не до соблюдения установленных в Академии Снов порядков.

– Я постараюсь. Но вокруг слишком много энергии Серого мира, – предупредила я, зная, что учитель и сам прекрасно это понимал, иначе не просил бы меня. Но теневой силы было не просто много, она заполнила все вокруг, обтекая нас с Лоузом и клокача от жажды тварей, спрятавшихся под землей. Если мы ослабнем, они, без сомнения, нападут.

Я прикрыла глаза, сосредотачиваясь. Ощущая всех троих дивов поблизости, но не погружаясь в их эмоции, – они оставались клочком живой силы среди существ, которые пусть и не были мертвы, но и себе уже не принадлежали, – продолжила поиски дальше.

– Моран, Руньян, используйте ваше природное чутье, – тем временем проговорил наставник. Его голос звучал будто вдалеке. – Рафаиль, ты же скард?

– Слабый. Ревенанта могу отследить, но у меня не такой чувствительный дар. Блез мог помочь, но он вернулся в город, – сообщил теневой див.

– Я кое-что нашел, – внезапно раздался голос Люция. Я прервала свои поиски. Див наклонил голову набок, его дыхание было глубоким и тяжелым. – Черную бездну. Тьма вытекает оттуда, как река. И эта же сила просачивается из-под земли. Нам надо пойти туда.

Моран распахнул глаза, его серые радужки пульсировали, в них клубился туман.

– Эмпат, мортем и... – Задумчивый взгляд Лоуза Прауда остановился на Рафаиле. – Слабый скард, но сильный воин.

Руньян крепче сжал эфес обнаженного оружия. Видимо, последние слова наставника пришлись ему по душе. В отличие от Люция див обладал массивным телосложением, и меч у него был соответствующий – громоздкий, заточенный с одной стороны, будто тесак мясника.

– Хорошо, – Лоуз кивнул. – Пойдем в направлении, которое укажет Моран. Посмотрим, куда это нас приведет. Нас четверо. Вы трое из больших могущественных орденов и прошли серьезное обучение. Не хватает лишь опыта... – Светлый див перевел взгляд на лес. – Что ж, у вас появилась возможность его получить. Идемте.

VIII. Предчувствие беды

Мортемы способны призывать не всех существ, а лишь тех, чьи тела их магия когда-то наполнила посмертно.
«Энциклопедия 2-го уровня» Библиотека Академии Снов

Академия Снов, тридцать один год назад...

Сара

Источником оказалось дерево – высокое, с ветвистыми корнями, которыми оно цеплялось за огромный валун и именно поэтому не проваливалось в трясину подобно остальным своим собратьям. Ствол был большим, лишь немного уступая габаритами одному из дубов-великанов, охраняющих вход на территорию Академии Снов.

Из-за проходящей сквозь него энергии Серого мира листья на дереве увеличились, став размером в три мои ладони, и приобрели черно-фиолетовый оттенок. Некоторые животные и растения погибают от теневой силы, а другие впитывают, меняются, становясь сильнее. Не всегда это приводит к появлению плотоядных ядовитых тварей, ведь в случае с магическими растениями и животными никогда не предугадаешь результат. Виной тому их собственная сила. В отличие от людей, с которыми всегда все однозначно, – ведь своей магии в них нет и капли, и тьма заполняет пустующее место. Чем сильнее душа запятнана грехами и низкими чувствами, тем охотнее тело принимает в себя тьму. Практически всегда это происходит во сне, когда разум уязвим.

– Оно полое, – внезапно сообщил наставник, положив руку на древесную кору. – Сразу и не поймешь. Если только не эта сила... – Не договорив, он потянулся к поясу, вытаскивая из-под мантии кинжал.

Раздался треск – громкий, эхообразный. Наставник орудовал оружием, безжалостно вырезая куски дерева.

Совсем скоро в коре появилась дыра, открывающая пространство с уходящими на глубину каменными ступенями. Валун оказался скалой, погруженной глубоко в землю, точно глыбы льда в океане.

– Подземный ход? – удивился Люций, всматриваясь в тоннель. Древесный ствол выдолбили изнутри, убрав около половины. Достаточно, чтобы спрятать дыру в камне, но и в то же время позволить лесному гиганту жить.

Но совсем не это оказалось самым поразительным открытием, а высеченный на успевшей почернеть древесине знак – три круга разных размеров, заключенные друг в друга и пересекаемые одной линией наискосок. Символ ордена Хранителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.